

**ФРАЗЕОЛОГИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ
А. С. ПУШКИНА**

I

В первую треть XIX в., в период становления русского литературного языка, проблема национальной русской фразеологии как частный вопрос приобрела особенную остроту. В 1834 г. В. Г. Белинский в «Литературных мечтаниях», говоря о языке Карамзина, обвинял его в пренебрежении к русской фразеологии: «Карамзин был одарен от природы верным музыкальным ухом для языка и способностью объясняться плавно и красно, следовательно, ему нетрудно было преобразовать язык. Говорят, что он сделал наш язык сколком с французского, как Ломоносов сделал его сколком с латинского, это справедливо только отчасти. Вероятно, Карамзин старался писать, как говорится. Погрешность его в сем случае та, **что он презрел идиомами русского языка**, не прислушивался к языку простолюдинов и не изучал вообще родных источников» [1]. В. Г. Белинский упрекает Карамзина в том, что он не использовал русской национальной фразеологии. Этот упрек, по вполне справедливому замечанию проф. Ефимова [2], надо отнести к «Письмам русского путешественника» и к стилю сентиментальных повестей Карамзина, но нельзя отнести к жанру исторических повестей: в них роль фразеологии возрастает. Тем не менее следует сказать, что стиль крупнейшего писателя конца XVIII в., реформатора русского литературного языка страдал в какой-то мере отсутствием русской национальной фразеологии. Белинскому, хорошо знакомому с языковой культурой пушкинской поры, особенно

бросался в глаза упомянутый недостаток языка Карамзина и, может быть, некоторая искусственность в употреблении им просторечной фразеологии в жанре исторической повести.

О бедности фразеологии в русском литературном языке говорит и писатель Федор Глинка в «Письмах русского офицера», вышедших вторым изданием в 1815—1816 гг: «Я видел многих нынешнего воспитания молодых людей, которые прекрасно говорят и пишут по-французски, не умея написать правильно нескольких строк на своем природном языке. Я заметил, что люди сии умны только по-французски. Послушай их говорящих по-русски — и вся ловкость, все обороты, вся замысловатость исчезают! Это очень легко объяснить. Ты знаешь, что у французов почти все умники суть фразеры (fraseurs), которые умны чужим умом. Память их испещряется выражениями разных писателей, и они беспрестанно повторяют то в разговорах, что затвердили в книгах. Множество каламбуров, пословиц и памятных стихов (des vers à retenir) придают разговорам их какую-то пестроту и приподнятость... на первый только раз!.. По-русски совсем иначе: надобно сочинять свой разговор, изобретать выражения...» [3].

Нам важно отметить, что Ф. Глинка указывает на отсутствие в русском литературном языке готовых выражений, которыми можно было бы воспользоваться при разговоре, как это делается во французском языке. Речь идет о недостатке в нашем языке элементов фразеологии.

Пушкин в черновом наброске 1824 г. говорит: «...проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснений понятий самых обыкновенных: и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно уже готовы и всем известны» (т. II, 21). Эту же мысль А. С. Пушкин повторяет в главе III романа «Евгений Онегин»:

Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

(Строфа XVI).

Косвенно и в этих высказываниях Пушкина можно видеть известное сетование на отсутствие в русском литературном языке установившейся фразеологии.

Таким образом, в прозе Карамзина, а она в допушкинский период являлась основной, отсутствует русская народная фразеология. Ф. Глинка тоже указывает на отсутствие ее в русском литературном языке конца XVIII — начала XIX в. Пушкин в 1824 г. также делает замечание на этот счет. Перед основоположником русского литературного языка Пушкиным вставала задача частного порядка — обогащение нашего литературного языка фразеологией. Н. М. Карамзин, создавая русский литературный язык, не учитывал этой особой задачи, оттого его язык много терял в отношении национальной самобытности. Пушкин решает эту проблему. Как он справился с ней, можно проследить, анализируя язык его произведений, в первую очередь прозаических.

Пушкин в своей деятельности проявляет большой интерес, внимание и чуткость к фразеологии. Этот вывод можно сделать на основе целого ряда фактов. Поэт необычайно высоко ценил пословицы и поговорки. В. И. Даль в своих воспоминаниях о Пушкине приводит следующие его слова, касающиеся русских поговорок: «А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!» [4]. Сам Пушкин в жизни широко употреблял пословицы и поговорки. В письме к С. А. Соболевскому от 15 июля 1827 г. он говорит: «Перенеси мужественно перемену судьбы твоей, т. е. по одежке твоя ножки — все перемелется, будет мука. Ты видишь, кроме пословиц, ничего путного сказать тебе не сумею». Пословицы и поговорки начинают появляться в его письмах с 1820 г., их в его переписке встречается до двухсот; наибольшее количество падает на период с 1820 по 1830 г. Они становятся для Пушкина обычной формой выражения мысли. В произведениях поэта пословицы и поговорки в значительной мере начинают появляться с 1820 г.

К 1820 г. относятся записи Пушкиным пословиц. Некоторые из них, вероятно, взяты из сборников, имевшихся в библиотеке поэта, а часть из собрания Кириши Данилова, которое тоже было в библиотеке Пушкина (второе издание 1818 г.). Выписанные из Кириши Данилова не являются в полном смысле пословицами или поговорками, это — строки из песен, поднятые до обобщения. Наличие ряда сборников пословиц в библиотеке Пушкина, в частности: «Собрание 4291 древних российских посло-

виц. Печатано при императорском Московском университете 1770 года»; «Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку», С-Петербург, 1822 г.; «Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем», 1785 г. — также свидетельствует о его интересе к этому виду фразеологии. Кроме того, мы имеем еще одно свидетельство внимания Пушкина к русским пословицам и поговоркам. Л. Б. Модзалевский в III т. «Письма Пушкина», стр. 591—592, сообщает о краже у А. А. Пушкина в вагоне железной дороги «пакета с собственноручными записками поэта русских пословиц и поговорок». [5].

В набросках «Плана истории русской литературы» 1829 и 1834 гг., в обоих вариантах его, намечается раздел пословиц. В 1830 г. в «Литературной газете» появляется рецензия Пушкина на роман Загоскина «Юрий Милославский, или русские в 1612 г.», где говорится: «Некоторые пословицы употреблены автором не в их первобытном смысле. Из сказки слова не выкинешь, вместо из песни. В песне слова составляют стих, и слова не выкинешь, не испортив склада, сказка — дело другое» (т. 11, 93).

В письме к А. А. Бестужеву (январь 1825 г.), говоря о комедии Грибоедова «Горе от ума», Пушкин пишет: «О стихах я не говорю; половина — должны войти в пословицы». Здесь видна высокая оценка пословиц, то есть опять-таки русской фразеологии.

В письме к Кюхельбекеру (декабрь 1825 г.) Пушкин делает замечания: «Выражения не всегда точно русские, например, слушать в оба уха».

В 1830 г. Пушкин пишет заметку «Множество слов и выражений, насильственным образом введенных в употребление, остались и укоренились в нашем языке», где анализирует фразеологизм: «не в своей тарелке».

Можно привести и другие убедительные свидетельства большого внимания Пушкина к пословице и вообще к вопросам фразеологии.

Русский литературный язык начала XIX в. страдал отсутствием фразеологии. Между тем в русском языке, в широком понимании этого слова, имелся, несомненно, богатый фонд ее. Ю. С. Сорокин в своей интересной статье «Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» 1789—1794 гг.» отмечает, что уже

первый наш Академический словарь представил довольно заметно разнообразную фразеологию, широко свойственную разговорной речи различных социальных слоев, которой присущ живой и отчетливый национальный отпечаток, но своими предупредительными пометами приурочил ее только к простому слогу в его бытовой натуральности, к чисто русскому диалекту в его противоположности славяно-российскому диалекту [6].

Перед Пушкиным встала большая задача: обогащение русского литературного языка национальной фразеологией. Конечно, она уже решалась в какой-то мере и до него, но следовало еще указать источники этого обогащения и найти методы введения фразеологии в различные жанры литературы.

II

Говоря о периоде становления русского литературного языка, следует несколько расширить понятие фразеологии. Помимо тех элементов, которые вкладываются в настоящее время в это понятие, то есть пословиц, поговорок, идиом и других устойчивых выражений, приходится учитывать и различные литературные цитаты, реминисценции, военные и юридические выражения, элементы карточной терминологии и т. п. Некоторые из них сложились в своей сфере, но не получили в дальнейшем употребления в разговорной речи различных кругов общества, а тем более не вошли в литературный язык.

Обзор фразеологии художественной прозы Пушкина проводится хронологически с привлечением незаконченных произведений, набросков и отрывков.

В первом прозаическом произведении, романе «Арап Петра Великого», написанном в 1827 г., Пушкин широко пользуется фразеологией, но отдельные виды ее представлены далеко не в одинаковой мере. Основная масса ее дана в виде устойчивых выражений, по терминологии академика В. В. Виноградова [7] — фразеологических сочетаний. Однако этот вид фразеологии, несмотря на его относительную многочисленность, не играет особой роли в стиле романа. Он является элементом языка автора, не всегда уловим с первого взгляда и сливается со всей языковой тканью произведения.

Фразеологические сочетания в романе «Арап Петра

Великого» можно разделить на две группы: разговорно-бытовые и книжные. Первые встречаются и в авторской речи, и в речи персонажей. Несомненно, Пушкин, вводя их в беседу действующих лиц, преследует цель создания атмосферы старого быта. Нельзя отрицать этой же роли и за теми фразеологизмами, которые употребляются автором, но здесь их роль значительно меньшая. Фразеологизмы разговорно-бытовые особенно ярко представлены в языке карлицы: «Барин от него **без ума**, князь только им и **бредит**» [8]. (32). «**Делать нечего: уж покоришься воле родительской, а что будет, то будет**» (32). Казалось бы, что здесь налицо некоторая перегрузка фразеологизмами, но при чтении такого впечатления не получается: они не отягощают предложения, а наоборот, способствуют его простоте, доступности и вместе с тем емкости.

Но, как уже говорилось, фразеологизмы есть и в речи автора: «Гости... вскоре разъехались один за другим, не поблагодарив хозяина за **его хлеб-соль**» (23). Несомненно, введение здесь фразеологизма имеет целью показать атмосферу старого боярского дома, но часто фразеологизм не дает каких-либо стилистических оттенков, звучит нейтрально и играет чисто служебную роль: «Бедный щеголь, **не переводя духу**, осушил весь кубок и отдал его маршалу» (17).

Что касается другой группы фразеологических сочетаний — книжных, то они употребляются преимущественно в речи автора: «Корсаков к ней разлетелся и просил **сделать честь** пойти с ним танцевать» (17). «На крыльце встретила Петра женщина лет 35, прекрасная собою, **одетая по последней парижской моде**» (10).

В первом случае мы имеем дело с особым приемом передачи прямой речи, так называемой несобственной прямой речью и фразеологизм «сделать честь» дает речевую характеристику героя.

Фразеологические сочетания в романе «Арап Петра Великого» выполняют довольно разнообразные функции: иной раз дают речевую характеристику героя или только способствуют ей, иногда содействуют показу общего колорита, но очень часто звучат и нейтрально. Грамматически они весьма разнообразны: иногда выступают в роли сказуемого: «Барин от него **без ума**» (32). «Князь только им и **бредит**» (32). «Корсаков **остолбе-**

нел...» (16). «А про него не было ни слуху ни духу» (26). Чаще употребляются в роли обстоятельства: «Корсаков час от часу более дивился» (17). «Битый час слушаешь его бредни...» (30). Несколько реже они выступают в качестве дополнения: «Уж покоришься воле родительской» (32).

Иногда фразеологизм занимает место целого предложения: «Воля твоя, а я ссориться с ним не намерен» (30); есть случай, когда он является независимым предложением: «Делать было нечего. Бедный щеголь, не переводя духу, осушил весь кубок...» (17).

Способствуют ли фразеологические сочетания историзму романа Пушкина «Арап Петра Великого»? В прямом смысле нет, но косвенно, сообщая некоторые черты старого русского быта, содействуют.

Как уже отмечалось, упомянутые фразеологизмы слиты со всей речевой тканью произведения так, что мало бросаются в глаза.

Другое следует сказать про русские пословицы, поговорки. Их меньше, но удельный вес их значительнее, они заметны, сообщают своеобразие стилю романа, поэтому значение их более весомо. Почти все они употребляются при изображении представителей старшего поколения дома Гаврилы Афанасьевича Ржевского, в их речах.

«Слыхано ли дело, до ночи плясать и разговаривать с молодыми мужчинами? И добро бы еще с родственниками, а то с чужими, с незнакомыми» (21). В ответ на это рассуждение Гаврилы Афанасьевич Ржевский говорит: «Сказал бы словечко, да волк недалечко» (21). Какую функцию выполняет здесь пословица? Она служит одним из приемов эзоповского языка. Показывает эмоциональное состояние боярина, вместе с тем дает представление об известном напряжении в обществе, о наличии оппозиционного настроения, она же передает и колорит старого русского быта. Таким образом, пословица оказалась очень насыщенной. В обычном своем употреблении она говорит только о некоторой осторожности говорящего. Насыщение ее таким богатым содержанием — особенность языка Пушкина. Лишилась ли она своей народности? Нет, она дана совершенно в народном духе, без малейшего отступления от народности. Однако не всегда Пушкин употребляет в этом романе русские по-

словицы таким образом. В речи сестры боярина Ржевского Татьяны Афанасьевны они звучат несколько иначе.

— Что же такое, братец? О чем дело?

— Дело о Наташе: царь приезжал ее сватать.

— Слава богу, — сказала Татьяна Афанасьевна перекрестясь: — Девушка на выданьи, а каков сват, таков и жених, — дай бог любовь да совет, а чести много. За кого же царь ее сватает?» (25).

Здесь пословицы перемежаются с устойчивыми выражениями типа фразеологических сочетаний. Одна и та же мысль варьируется и повторяется при помощи пословиц, раскрывая образ мыслей женщины, знающей только домашний быт. Казалось бы, речь ее перегружена пословицами, но таков способ ее мышления — при помощи готовых трафаретов. Одно из основных назначений пословиц и поговорок здесь — дать колорит старого русского быта, но, конечно, и раскрыть характер персонажа.

Один раз употребляет пословицу Ибрагим, царский арап: «Благодарю за дружеский совет, — прервал холодно Ибрагим, — но знаешь пословицу: **Не твоя печаль чужих детей качать...**» «Смотри, Ибрагим, — отвечал, смеясь, Корсаков, — чтоб тебе после не пришлось эту пословицу доказывать на самом деле, в буквальном смысле» (30).

Какую роль играет здесь русская пословица? Прежде всего дается краткий, сжатый и серьезный ответ на длинные пустые рассуждения Корсакова. Эта пословица показывает, что Ибрагим сжился с русскими людьми, приютившими его, он пользуется мудростью этого народа, в противоположность Корсакову, который постоянно употребляет французские выражения.

С первого взгляда кажется, что русская пословица в устах арапа в окружении французских выражений Корсакова играет роль своеобразной экзотики, наподобие аналогичных выражений у Марлинского, но это не так. Она действительно противопоставляется французским выражениям и подводит итог всему разговору. Ибрагим употребляет ее в народном духе, в переносном. Корсаков же, переводя ее в конкретную плоскость, пытается просто блеснуть своим остроумием.

Мы видим, что Пушкин, употребляя пословицы, дает их без каких-либо изменений в содержании и в структуре, углубляет их смысл, они становятся более емкими.

Это углубление не только не противоречит народному духу пословицы, а, наоборот, характерно для ее жизни в народной среде. «Жизненный социально-исторический опыт народа создал ее, и он же продолжал обогащать ее новым содержанием» [9].

В синтаксическом отношении пословицы представляют собою самостоятельные предложения, прямую речь персонажей. Эта самостоятельность в синтаксическом отношении заметно выделяет их из общей основной ткани языка.

Менее выделяются в тексте русские поговорки, которые следует назвать, пользуясь терминологией акад. Виноградова, фразеологическими сочетаниями: «**Ни дать, ни взять** — Корсаков, — сказал старый князь Лыков...» (22), «**Марья Ильинична сидела как на иголках...**» (21). Они употребляются главным образом в речи действующих лиц, но имеются и в речи автора. В речи персонажей они несут функцию речевой характеристики, сообщают бытовой колорит, — в речи автора, как правило, просто выражают состояние или положение. Синтаксически они не являются самостоятельным предложением, а только частью его, но существенно, заметно: это или сказуемое, или обстоятельство.

В языке старшего поколения встречаются книжно-библейские выражения: «**Ох, уж эти ассамблеи! Наказал нас ими господь за прегрешения наши**» (21). «**Жены позабыли слово апостольское: жена да убьется своего мужа; хлопочут не о хозяйстве, а об обновлениях...**» (21). Их мало, всего три, две из них употребляет Кирила Петрович, бывший воевода в Рязани, а третью — герцог Орлеанский: «**Останьтесь во Франции, за которую вы уже проливали свою кровь...**» (8). В отличие от первых двух, данное выражение не воспринимается читателем как книжно-библейское, оно таким является только по своему происхождению.

В речи младшего европеизированного поколения, представителем которого является Корсаков, присутствуют иноязычные фразеологизмы (французские). Их немного: «**На твоём месте j'aurais planté là старого враля и весь его род...**» (30). «...включая тут же и Наталию Гавриловну, которая жеманится, притворяется больной, *une petite santé*» (30). «*Entre nous*, — сказал он Ибрагиму, — **государь престранный человек**» (30).

В этих случаях мы видим типичное смешение языков русского и французского, которое началось в XVIII в. среди русской аристократии и против которого систематически выступали писатели XVIII и XIX вв. Пушкин показал подобное смешение очень тонко.

Какую же роль играет фразеология в романе «Арап Петра Великого», какое она занимает место в его языковой системе? Фразеология этого романа довольно разнообразна — ее функции разнородны. Прежде всего Пушкин при ее помощи показывает языковое своеобразие изображаемой эпохи: смешение старины и новизны, языковую пестроту; в этом уже есть своеобразный историзм. Далее, при помощи фразеологии Пушкин индивидуализирует речь персонажей и, наконец, при помощи фразеологии показывает отзвуки социальной борьбы того времени. В этом романе Пушкин уже сумел показать возможности русской фразеологии, ее способность быть выразительной и емкой. Сохранившиеся части чернового автографа и варианты белого автографа романа «Арап Петра Великого» не обнаруживают какой-либо значительной работы над фразеологией романа. В устойчивых выражениях типа фразеологических сочетаний исправления идут главным образом по линии авторской речи, и только одно исправление имеем в речи персонажа. Всего встречаем четыре случая правки: обычное выражение в речи Петра I превращается во фразеологическое: «Прошу любить и жаловать его по-прежнему». В раннем варианте было: а) «Прошу полюбить и жаловать», еще раньше было тоже фразеологическое выражение, но менее слитое с текстом: б) «Прошу любить и жаловать по-прежнему» (507). Таким образом, Пушкин обычное выражение перевел во фразеологизм и более тесно слил его с текстом. В одном случае мы имеем перестановку фразеологизма на первое место: а) **Не переводя духу**, осушил весь кубок; б) осушил весь кубок **не переводя духу** (511). Наконец, имеется случай исправления депричастия в фразеологизме на личный глагол: Он **горел нетерпением**, б) **горя нетерпением** (509). Благодаря этому вся фраза стала более энергичной.

Работа над черновиками показывает, что у Пушкина была тенденция увеличить количество фразеологизмов, сделать их более выразительными и прочнее ввести в

текст, слить с ним. Нельзя на этом особенно настаивать, но эта тенденция улавливается. Заметно и другое — работа шла главным образом не над фразеологизмами разговорно-бытового характера, а над книжными.

Следующим этапом в творчестве Пушкина-прозаика были произведения, вернее отрывки и наброски, относящиеся к 1828—1830 гг.: «Гости съезжались на дачу...», «На углу маленькой площади...», «В начале 1812 г...», «Записки молодого человека...», «Участь моя решена. Я женюсь...». Сюда же следует отнести и незаконченный «Роман в письмах» (1829).

Эти произведения задумывались Пушкиным после написания романа «Арап Петра Великого» (1827), но до «Повестей Белкина», созданных в 1830 г. Наиболее ранний набросок относится к 1828 г. — «Гости съезжались на дачу...» (Эта дата условна, точнее отрывок относится к периоду 1828—1830 гг.), наиболее поздний — «Участь моя решена. Я женюсь...» (1830). Размер набросков и отрывков не одинаков. Наиболее крупный из них «Роман в письмах», а отрывок «В начале 1812 г.» имеет всего одну страницу. Все эти произведения в совокупности составляют 48 страниц. Общий итог изучения этих произведений таков: 1. Русских пословиц и поговорок нет. 2. Есть два выражения книжно-библейского характера. 3. Довольно заметна иноязычная фразеология. 4. Есть литературные цитаты и реминисценции. 5. Основная масса фразеологии — фразеологические сочетания, однако их немного, наиболее заметны они в «Романе в письмах».

В «Романе в письмах» выделяется группа фразеологических сочетаний бытового характера с оттенком народности, этот же тип фразеологизмов есть и в отрывке «Записки молодого человека». Некоторые фразеологизмы этой группы приближаются к типу фольклорных, но в интеллигентской огласовке: «Охота тебе сиднем сидеть одному...». Подобное выражение известно в русском фольклоре: «А и было у него любимое детище, Илья Муромец; а то-то детище сидело сиднем тридцать лет» [10].

Некоторые фразеологизмы из этой группы встречаются в стихах Пушкина: «Мочи нет...», «Наконец, добралась до шестого, скучно, мочи нет». (Роман в письмах, 17).

И мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я Вас люблю.
(«Признание», 1826 г.)

В стихотворении «Бесы»:

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи,
Коням, барин, тяжело».

Есть выражения, которыми пользуются писатели — современники поэта: «Пойти по миру» (Записки молодого человека, 403), «... внук идет по миру» (Роман в письмах, 52). Сравним у Крылова:

Богатым лег, а с голью встал такую,
Хоть по миру поди с сумою.
(«Крестьянин в беде»).

«Народу было пропасть» (Роман в письмах, 48). «У этих-де людей денег пропасть...» (Даль, Картины русского быта).

Можно отметить фразеологизмы бытовые, но без налета народности: «дай бог», «ради бога», «выйти замуж», «сделай одолжение», «распусти слух» (Роман в письмах).

Затем среди фразеологических сочетаний выделяется группа с элементами книжности: «шутки в сторону», «мой ангел», «слезы ее меня тронули» (Р. в п.).

Иной раз возникает сомнение, является ли данное выражение фразеологическим, например: «(В деревне)... летом должно казаться земным раем» (Р. в п., 46). Однако частое употребление подобного сочетания у писателей-современников убеждает нас, что это фразеологизм:

Ах, братцы, что за рай земной у Вас..
(Дельвиг. Отставной солдат).

В деревню, в теплый край,
Деревня летом — рай.
(Грибоедов. Горе от ума).

Вот там-то прямо рай.
И вспомнить, так душе отрада.
(Крылов. Лжец).

К этой же группе книжных фразеологизмов следует отнести и выражения книжно-библейского характера. Их всего три: «Я вовсе не отказалась от суеты мирской» (Р. в п., 46), «Блудный сын» (З. м. ч.), «Обетованная земля» (Г. с. на д.). Есть цитаты из произведений писателей русских и иностранных: «Потому что патриотки» (Р. в п., 54; Грибоедов. Горе от ума), из Байрона

(Чайльд Гарольд), однако она не вполне точная: *My native land, adieu* [11] (Уч. м. р., 407).

Есть цитата со ссылкой на Лабрюера, автора «Характеров». Однако приведенной фразы у Лабрюера нет, видимо, она написана самим Пушкиным. Следует упомянуть литературные реминисценции, их две: «...разливаю чай, как Кларисса Гарлов» (Р. в п., 47), «Уединение нравится на самом деле, как в элегиях твоего Ламартина» (Р. в п., 46).

Однако рассмотренные виды фразеологии не создают колорита в набросках и отрывках 1828—1830 гг., он создается иными видами фразеологизмов. Заметную роль в этом отношении играет иностранная фразеология, преимущественно на французском языке, но есть на итальянском, английском и латинском языках, иногда в сочетании с русским языком: «У нас зима: в деревне *c'est un événement*» (Р. в п., 49). «И, как говорится, *se mi à bouder*» (Г. с. на д., 38), «...Недовольны моею *fatuité indolente*» (Р. в п., 54).

Изучение черновиков обнаруживает, что Пушкин при создании отрывков и набросков 1828—1830 гг. много работал над фразеологией. Исправления идут в сторону переделки простого выражения в фразеологизм. Речь идет о русских выражениях, например, предварительно было: «Поминутно ожесточалось...», в окончательном тексте: «Час от часу ожесточалось...» (Р. в п., 556), или: «Сын нуждался, внук будет нищим», в последнем тексте: «Сын нуждается, внук идет по миру...» (Р. в п., 572). Во всех этих случаях подбирался фразеологический синоним вместо обычного выражения, но иногда фразеологизм, входя в текст, дает момент образности, не являясь синонимом к предварительному выражению; например, было: «Я надеюсь нагуляться...», а в последнем тексте: «...должно казаться земным раем» (Р. в п., 568); или: «...оставаться на опустелых лавках оппозиционной стороны», далее: «...сидеть одному на опустелой лавочке левой стороны» и окончательно: «...сиднем сидеть одному на опустелой лавочке левой стороны» (Р. в п., 577).

Видна большая работа Пушкина над иноязычной фразеологией. Можно отметить, что в окончательном тексте появляется иноязычное выражение, а в предварительном его не было: «на *ci devant* — гвардии хрипуна», а было а) «на маркиза», б) «на маркиза прошлого

столетия» (Р. в п., 576). Или в беловом тексте: *Cum ser-vo seruogum dei*», а предварительно: а) «с наместником св. Петра», б) «с наместником апостола Петра» (Р. в п., 576).

Другой случай работы над иностранными фразеологизмами сводится к тому, что Пушкин стремится наиболее тесно слить их с общим текстом. В отрывке «Роман в письмах» есть выражение: «...моею *fatuité indolente*» (томное фатовство), но прежде чем дойти до этой формы, Пушкин испробовал целый ряд вариантов слияния его с русским текстом: а) «...приняв на себя вид *fatuité indolente*, б) «...видом *fatuité indolente*», в) «...этой *fatuité indolente*» (574). Или еще пример подобной работы из того же отрывка: «... ты *si devant, un homme stereotyp*», а предварительно имелось: «... ты Китаец, стереотип тогдашней молодости ты *si devant*» (577).

Что же нового можно отметить в отношении фразеологии в отрывках и набросках 1828—1830 гг. по сравнению с романом «Арап Петра Великого»?

Совершенно исключены русские поговорки и пословицы. Сильно увеличена иноязычная фразеология, что связано с тем, что в этих произведениях главным образом изображается высшее общество. Несколько увеличились выражения типа фразеологических единств, но очень незначительно, основной тип фразеологизмов — фразеологические сочетания (бытовые и книжные). Бытовые фразеологические сочетания появляются частично в связи с включением героев из народа (ямщик), но есть они и в языке персонажей-аристократов.

Фразеологический колорит создается иноязычными выражениями, они бросаются в глаза. По сравнению с романом «Арап Петра Великого», судя по черновикам, заметна значительная работа над фразеологией.

III

Теперь обратимся к произведениям художественной прозы Пушкина, созданным в 1830 г., в известную Болдинскую осень. Это — «Повести Белкина» и «История села Горюхина».

Прежде всего отметим здесь малое количество русских пословиц и поговорок. Они совершенно отсутствуют в повести «Выстрел» и в «Истории села Горюхина».

Если это понятно в отношении повести «Выстрел»: ее тематика довольно далека от показа жизни народа, то трудно объяснимо подобное явление в «Истории села Горюхина»: здесь тема крепко связана с изображением деревни. В остальных повестях встречаются по две, по три пословицы или поговорки, но поданы они своеобразно. В повести «Метель» они в авторской речи. При их помощи Пушкин решает вопрос психологической мотивировки. Родители Маши, прежде отказывавшиеся дать согласие на брак ее с бедным соседом Владимиром, соглашались, наконец, на это замужество. Писатель очень экономно раскрывает причину их согласия и мотивы его посредством ряда пословиц: «...все решили, что видно такова судьба Марии Гавриловны, что суженого конем не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное. Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание» (М., 82).

Это рассуждение и использование пословиц напоминает уже упоминавшееся письмо Пушкина к С. А. Соболевскому от 15 июня 1827 г.

В повести «Барышня-крестьянка» пословицы встречаются трижды: один раз — в речи Акулины-Лизы и дважды в речи отца Берестова. Причем, в двух случаях Пушкин изменяет пословицы, приспособливает их к ситуации. На просьбу Алексея Берестова проводить ее Лиза-Акулина отвечает: «...вольному воля, а дорога мирская» (Б.-к., 114). Пословица обычно звучит так: «Вольному воля, спасенному рай». Эту пословицу Пушкин употребляет в трагедии «Борис Годунов» тоже применительно к ситуации, несколько изменив ее.

В а р л а а м (Григорию). Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

Г р и г о р и й. Не хочу.

М и с а и л. Вольному воля...

В а р л а а м. А пьяному рай, отец Мисаил!

Точно так же с некоторым изменением употребляет Берестов-отец известную русскую пословицу. На реплику сына, что он (сын) не в состоянии «сделать счастье» Муромской, отец отвечает: «Не твое горе — ее счастье» (Б.-к., 123) и здесь же добавляет: «Стерпится — слюбится».

В повести «Станционный смотритель» русские пословицы использованы в речи Самсона Вырина как средство выражения мысли смотрителя и, вместе с тем, раскрывают его психологию и дают характеристику образа. «Ваше высокоблагородие, — продолжал старик, — что с возу упало, то пропало; отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню» (С. с., 103), или: «Да нет, от беды не отбожишься, что суждено, тому не миновать» (С. с., 100). Иное употребление поговорки в повести «Гробовщик». Здесь она в речи автора: «Под руки отвели Юрку в его будку, наблюдая в сем случае русскую пословицу: «долг платежом красен» (Г., 92). Пословица не входит органически в ткань повести, а выделяется как своеобразная цитата.

Таким образом, пословицы в «Повестях Белкина» и «Истории села Горюхина», в отличие от предыдущего этапа, вновь появились, но их мало, они отсутствуют в повести «Выстрел» и в «Истории села Горюхина». В повестях «Гробовщик» и «Метель» пословицы фигурируют в языке автора и не имеют тесной связи с текстом повести. Иное дело в повести «Барышня-крестьянка» и «Станционный смотритель», где они включаются в прямую речь героев, изменяются в соответствии с замыслом говорящего применительно к ситуации, являются способом выражения мысли героя и весьма тонко сливаются с художественной тканью всего произведения. Это особенно относится к повести «Станционный смотритель». В этом и есть новое в использовании пословицы, по сравнению с «Арапом Петра Великого».

Иностранная фразеология представлена, но не обильно, ее нет в «Истории села Горюхина» и в повести «Станционный смотритель», имеется одно выражение в повести «Выстрел»: «Первый месяц, the honey moon, провел я здесь, в этой деревне» (В., 73); в повести «Барышня-крестьянка» несколько больше: «...Nota postra manet, как пишет один старинный комментатор» (Б.-к., III). Есть она и в повести «Метель»: «Se amog non é che dunque...» (М., 84). Во всех произведениях этого периода встречается не более 5—6 иноязычных фразеологизмов; даются они на латинском, итальянском, английском, французском и немецком языках. Их меньше, чем в романе «Арап Петра Великого» или отрывках и набросках 1828—1830 гг. Это следует объяснить тем, что «Повести

Белкина» и «История села Горюхина» изображают иной социальный круг, чем отрывки и наброски 1828—1830 гг., но весьма вероятно, что уже проявляются и иные лингвистические вкусы писателя. В «Повестях Белкина» присутствует литературная цитация:

«И в воздух чепчики бросали» (Из Грибоедова). «С секирой и в броне сермяжной» (Из Измайлова). «Но на чужой манер хлеб русский не родится» (Из Шаховского). «С тех пор, как этим занимаюсь» (Автор неизвестен).

Есть ряд литературных реминисценций или ссылок (намёков) в «Истории села Горюхина»: «Повели меня на заднее крыльцо, навстречу мне вышла моя кормилица и обняла меня с плачем и рыданиями, как многострадального Одиссея» (И. с. Г., 129). В «Метели»: «Мария Гавриловна вспомнила первое письмо St-Preux» (М., 85); в повести «Барышня-крестьянка»: «...по выражению Тараса Скотинина, у него и гвоздем не вышибешь» (Б.-к., 123); в повести «Станционный смотритель»: «Какова должность сего диктатора, как называет его шуточно князь Вяземский» (С. с., 97) или «...отирал он своею полою, как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева» (С. с., 105). Цитаты из литературных произведений и литературные реминисценции по сравнению с романом «Арап Петра Великого» являются новостью, по сравнению же с отрывками и набросками 1828—1830 гг. их число увеличилось. Включаются они в текст произведения очень тонко, сливаясь с ним как составная часть его, иногда даже как часть простого предложения. «Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: ура!

И в воздух чепчики бросали» (М., 83).

«И Юрко стал опять расхаживать около нее с секирой и в броне сермяжной» (Г., 91). «Поля свои обрабатывал он по английской методе: но на чужой манер хлеб русский не родится...» (Б.-к., 109).

В повестях Белкина встречаются выражения книжно-библейские, но их мало; во всяком случае, меньше, чем на предыдущих этапах. «Авось, думал смотритель, приведу я домой заблудшую овечку мою» (С. с., 8). «Бывало (царство ему небесное!) идет из кабака...» (С. с., 105), «...Ныне час мой настал...» (В., 70). В первом издании повести «Выстрел» было выражение (затем исключенное): «...и обретох, яко се добро есть». Количе-

ство книжно-библейских выражений явно уменьшилось по сравнению с предыдущими этапами. Последнее выражение было исключено самим Пушкиным, а три первых носят весьма бытовой характер. В синтаксическом отношении только выражение из повести «Выстрел» представляется самостоятельным предложением, а два других входят в состав простого предложения, отчего очень тесно сливаются с контекстом, а явно бытовой просторечный характер окружающего текста снижает их стиль. Опрощение книжно-библейских фразеологизмов — новое, что дают «Повести Белкина» в отношении фразеологии.

Основное место среди фразеологизмов рассматриваемого периода занимают так называемые фразеологические сочетания. Значительно меньше встречается фразеологических единств. К последним мы относим также: «Он объявил им, что нога его не будет никогда в их доме» (М., 82); «Знать у тебя, брат, рука не подымается на бутылку» (В., 72); «...Но зритель подумал, махнул рукой и решил отступить» (С. с., 104). «Благосклонный читатель знает уже, что воспитан я был на медные деньги» (И. с. Г., 130). Подобные фразеологические единства в некоторых повестях отсутствуют. Главным образом они встречаются в языке автора повествования. Синтаксически они входят в состав предложения, как весьма существенная часть его, иногда создавая его структуру: «Знать у тебя, брат, рука не подымается на бутылку» (В., 72), иногда образуют придаточное предложение: «Он объявил им, что нога его не будет никогда в их доме». Такое вхождение фразеологизма в состав предложения сливается его очень тесно с текстом повести. Важно отметить, что выступают они часто в наиболее ответственные моменты повествования, отчего получают большую смысловую нагрузку. Сами эти выражения носят бытовой характер и, несомненно, были распространены в широких слоях населения.

Как уже говорилось, основная масса фразеологии складывается из фразеологических сочетаний. Характер их таков, что часто трудно определить, является ли это выражение устойчивым сочетанием или обычным свободным соединением слов.

Отметим несколько групп среди этой категории фразеологизмов. Первая группа: фразеологизмы, широко

распространенные во всех жанрах устной и письменной речи, часто они приобретают служебный характер и приближаются к просторечию. По своему стилистическому свойству они нейтральны и чаще встречаются в речи автора. Эта группа наиболее значительная: «покою ни днем, ни ночью» (С. с., 97), «с ума сошла» (Б.-к., 118), «хозяин был чрезвычайно в духе» (В., 68), «дал на водку» (Г., 92).

Вторая группа: такие же фразеологизмы, но с оттенком народности, иногда даже с налетом грубоватости: «не с ума ли спятил» (Г., 94), «выбью дурь из ваших голов» (Ист. с. Г., 139), «не на дуру напал» (Б.-к., 174), «урод уродом» (Б.-к., 121), «даже во хмелю» (М., 82), «на беду мою» (И. с. Г., 130), «да грех сказать» (Б.-к., 112), «бог ее ведает... бог ее знает» (С. с., 100).

Количественно эта группа менее значительна, но сильнее, чем первая, создает стилистический колорит. Связывается она преимущественно не с авторской речью, а с речью героев из простого народа (смотритель Вырин, Настя, Лиза-Акулина, служанка Аксинья). Фразеологизмы этой группы довольно гибки, изменяют некоторые свои составные элементы, меняют род, глаголы спрягаются и т. п., то есть они легко приспособляются говорящим к ситуации.

Третья группа — фразеологизмы книжного характера: «отец пожелал мне доброго пути...» (С. с., 98), «жизнь его была в моих руках...» (В., 68), «я горел нетерпением...» (В., 71), «вытвержены мною наизусть...» (В., 71), «я был тронут до глубины сердца...» (И. с. Г.).

Фразеологизмы этой группы включаются преимущественно в речь автора повествования. Они из всех рассматриваемых групп наиболее легко изменяются, то есть их составные элементы склоняются и спрягаются, иногда вставляются дополнительные слова.

Четвертая группа фразеологизмов — это канцеляризм, которые очень трудно отделить от предыдущей группы: «я вышел в отставку» (В., 70), «подать в отставку» (В., 60), «вступил он в службу» (В., 60), «получить имел я честь» (В., 59), «изъявляете мне свое желание» (В., 59).

Эта группа очень незначительна и сосредоточена почти вся во «Вступлении» к «Повестям Белкина».

Наконец, пятая группа — это фразеологизмы, связанные с карточной игрой, их очень мало, они встреча-

ются только в повести «Выстрел», в речи рассказчика: ...прометать нам банк... (66), ...в рассеянности загнул лишний угол... (66), ...Сильвио взял мел и уравнил счет... (66).

Для всех повестей характерно наличие трех первых групп фразеологических сочетаний. Фразеологизмы двух последних характерны только для двух произведений: канцелярские — для «Вступления» к «Повестям Белкина», а устойчивые выражения карточной игры — для повести «Выстрел». Эти группы являются результатом стилизации, их роль заключается в создании определенного стиля, особенно это следует сказать про группу канцелярских выражений. Нельзя абсолютно то же самое сказать про фразеологизмы карточные — они имеют целью назвать точно явление специфической области, но, конечно, сообщают и известные элементы стилизации. Обе эти группы в дальнейшем не вошли в основной фонд русского литературного языка, а остались только как средство стилизации и наметили возможности в этой области для других писателей.

Другое дело первые три группы: введение их в литературный язык обогащает его новыми средствами выражения.

Новым в области использования фразеологии на рассматриваемом этапе является более широкое использование фразеологизмов (типа фразеологических сочетаний) с налетом народности (вторая группа), они встречаются в языке представителей низов, а не интеллигенции, начинают играть большую роль, создавая определенный колорит. Новостью же является и появление в языке Пушкина фразеологизмов канцелярских и карточных, но их область — это стилизация. Что касается синтаксической роли фразеологических сочетаний, то она весьма разнообразна: эти фразеологизмы входят как вводные предложения или слова в речи героев, например: «Воля твоя, Настя, ты врешь. — Воля ваша, не вру» (Б.-к., 112). «Я выстрелил, — продолжал граф, — и, слава богу, дал промах...» (В., 74).

Чаще они выступают в виде главных членов предложения: «Что ты, батюшка, не с ума ли спятил...» (Г., 94). «Я горел нетерпением ее увидеть» (В., 71). «...Я почувствовал, как волосы стали вдруг на мне дыбом» (В., 73). Обычно фразеологизм не просто является сказуемым, но

выражает и второстепенный член предложения; относящийся к сказуемому, отчего сказуемое становится особенно выразительным. Иногда фразеологизм выражает и подлежащее и сказуемое, то есть структура предложения создается им. «Однако ж во вторую весну моего затворничества **разнесся слух, что...**» (В., 71). Но бывает, что фразеологизм — это чаще происходит со служебными — выражает второстепенный член предложения. «**Между тем я стал ходить взад и вперед...**» (В., 72). Но обычно и в данном случае он примыкает к сказуемому, и сказуемое от этого приобретает выразительность. Можно сказать, что фразеологизм обязательно связывается со сказуемым, или выражает его, или примыкает к нему, во всех случаях предикативность от этого возрастает. Даже если фразеологизм выступает в качестве вводного слова или предложения, он относится к сказуемому: «Я выстрелил, — продолжал граф, — и, **слава богу, дал промах...**» (В., 74). «**Воля твоя, Настя, ты врешь**» (Б.-к., 112). Это тоже способствует особой значимости и выразительности сказуемого.

Изучение черновиков приводит к выводу, что Пушкин работал над фразеологией. Прежде всего отмечаем, что фразеологизм появляется там, где прежде его не было. Таких случаев обнаружено семь: в повести «Барышня-крестьянка» — два, в повести «Выстрел» — два, в повести «Станционный смотритель» — один случай и в «Истории села Горюхина» — три.

1. «Хозяин **был** чрезвычайно в духе». В черновике «Хозяин был чрезвычайно весел» (В., т. 8, 595). Выражение «был весел» заменено фразеологизмом «был в духе».

2. «Я **не имею права** подвергать себя смерти». (В). Фразеологического сочетания «не имею права» в черновике нет, а имеется лишь следующее начало фразы: «Я не перед (...)» (В., 595).

3. «Старики до тех пор обдумывали все это каждый про себя, что наконец друг с другом и переговорились...» Служебный фразеологизм «**друг с другом**» в черновике отсутствует, там имеется: «оне и...» (Б.-к., 690).

4. «Она перед тобой **урод уродом**». Это выражение окончательного текста «урод уродом» не сразу нашло себе место. Вначале оно было с очень незначительным морфологическим отличием в форме местоимения. «Она

перед тобою урод уродом» (Б.-к.), но в промежуточном варианте это выражение утратило фразеологический характер и имело такой вид: «Она урод перед тобой» (Б.-к., 687). Больше, чем в других повестях, подобных исправлений имеется в «Истории села Горюхина».

5. «Приказчиков не существовало, старосты никого не обижали, обитатели работали мало, а жили припеваючи». Фразеологическое сочетание «жили припеваючи» в черновике отсутствует: «Старосты и приказчики не притесняли никого, и пастухи стерегли стадо...» (712).

6. «Горюхино приуныло, базар запустел, песни Архипа-Лысого умолкли. Ребятишки пошли по миру» (И. с. Г.). Фразеологизм «пошли по миру» в черновике отсутствовал, а было: а) Кабак опустел, б) все мужи (ки) пропи (ли), в) дети пошли (716).

7. Иногда Пушкин вставкой одного слова превращает рядовое выражение в фразеологическое. Первоначально было: «если уп(отреблю)» (698), а окончательно стало: «если во зло употреблю» (И. с. Г.). Вставка «во зло» придала выражению характер фразеологического сочетания.

Значительно меньше случаев исключения фразеологических выражений. Таких случаев всего три. В «Истории села Горюхина» исключен служебный бытовой фразеологизм и заменен рядовым выражением с налетом книжности. В окончательном тексте мы читаем: «Но в течение времени родовые владения Белкина...», первоначально было: «Но мало-помалу родовые владения Белкиных...» (712).

Исключению подверглось фразеологическое выражение «мало-помалу». Видимо, это требование стиля, так как весь раздел «Баснословные времена» написан в пародийно-высоком стиле, и бытовое выражение «мало-помалу» несколько нарушало его. В повести «Станционный смотритель» имеем случай, когда с частью исключенного текста выпали два фразеологизма: «Тут вошел мой старый ямщик... с требованием на водку; в то время народ не прошивал на чай» (т. 8, 643). В этой же повести* в словах Минского, обращенных к смотрителю, в окончательном тексте видим: «...виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения» (139), первоначально присутствовало фразеологическое сочетание: «И видит бог»

(652). То, что это устойчивое выражение, подтверждается употреблением его в других случаях.

И видит бог и знает свет:
Он, бедный гетман, двадцать лет...

(Полтава).

Таким образом, следует отметить, что включались и исключались только те фразеологизмы, которые могут быть отнесены к фразеологическим сочетаниям, и этот процесс совершенно не касался русских пословиц и поговорок.

Однако главная работа автора заключалась не в простом введении фразеологизма или его исключении, а в выправлении уже имеющихся, в уточнении их и в более тонком применении к ситуации. В этом отношении видна значительная работа Пушкина над пословицами и поговорками. Не следует забывать, что и поговорок и пословиц в «Повестях Белкина» мало, но Пушкин работает над ними. Заметнее всего это в повести «Станционный смотритель». В рассказе смотрителя встречаем: «Да нет, от беды не отбожишься...». Первоначально здесь было: «Нет, сударь, от беды не (уб)ережешься (остережешься)» (647). Окончательный текст приобрел более народный вид. Он освобожден от инородного для пословицы слова-обращения «сударь», нейтральный глагол «убережешься — остережешься» заменен глаголом «отбожишься», более ярко показывающим мировоззрение говорящего, включен разговорный союз «да», который более тесно сливает всю пословицу с контекстом. В этой же повести в речи Вырина имеем: «Что суждено, тому не миновать». В черновике имеется только начало фразы «чем». Далее: «...что с возу упало, то пропало». Судя по черновику, намечалось что-то другое: «что было, того...» (652); вероятно: «что было, того не вернуть». В этих случаях видна тенденция дать пословицу в более народном духе, а вместе с тем при помощи ее раскрыть психологию героя. В повести «Барышня-крестьянка» встречаемся с очень незначительной правкой известной пословицы, переделанной Лизой-Акулиной, в соответствии с моментом: «...ты мне позволишь идти подле себя?» — «А кто те мешает? — отвечала Лиза. — **Вольному воля, а дорога мирская**». В первоначальном варианте было: «вольному воля, дорога мирская» (674), то есть отсутствовал сочинительный союз «а». Надо сказать, что пер-

вый вариант звучал более по-народному. Чем же вызван отказ от него? Видимо, желанием дать более правдивую картину: нельзя забывать, что Лиза не была крестьянкой. В повести «Метель» наблюдаем работу Пушкина над широко распространенной пословицей, но вряд ли народного происхождения. В окончательном тексте повести она выглядит так: «Он объявил им, что нога его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном...» В черновиках этот фразеологизм звучал несколько иначе: «нога его не должна быть никогда в их доме» (616). В окончательном тексте имеется приближение к наиболее ходовому, обычному употреблению этой пословицы. Кроме того, синтаксически она более крепко сливается с контекстом. В последнем варианте пословица входит как придаточное дополнительное в середину главного предложения, дополняя одно из сказуемых главного, в то время как в черновике оно было одним из соподчиненных придаточных предложений, что несколько ослабляло единство структуры всего сложноподчиненного предложения.

Иногда встречается очень незначительная правка фразеологизма, что, с первого взгляда казалось бы, не вносит существенного в языковую ткань, но, тем не менее, дает некоторое представление о языковых вкусах и стремлениях автора. Известный фразеологизм библейского происхождения «заблудшая овца» в повести «Станционный смотритель» звучит так: «Авось, — думал смотритель, — приведу я домой заблудшую овечку мою». Первоначально было иначе: «заблудшую овцу» (651). В данном случае правка отводит от обычного общепринятого выражения «заблудшая овца», но окончательный вариант более выразителен: он показывает отношение старого смотрителя к своей дочери, несмотря на все происшедшее. Он ласков к ней, он не отказывается от нее. Этому впечатлению способствует внесение ласкательно-уменьшительной формы «овечка» вместо нейтральной «овца» и включение притяжательного местоимения «мою». Нельзя не заметить, что в этом новом виде фразеологизм звучит более по-народному, книжно-библейская окраска снимается с него. Казалось бы, здесь только явление индивидуального использования Пушкиным фразеологизма, но художник вместе с тем показывает богатые возможности выражения, при всей его устойчи-

восте. Писатель глубоко раскрывает внутренний мир героя без громоздких описаний, одними только средствами, которые имеются в народном разговорном языке. В той же повести есть и иного рода правки устойчивых выражений: «Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса», а было: «не она первая, не она последняя» (657). Фразеологизм остался, изменилась его синтаксическая конструкция, но окончательный вариант своей структурой вносит новый оттенок в повествование зрителя. Фразеологизм приобретает более острый характер, он перестает быть нейтральным, а несколько насыщается социально, ибо в первом варианте «она» более активное лицо. Окончательный вариант: «Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса...» воспринимается совершенно в новом свете — ее сманивает проезжий повеса. Индивидуальный случай поднимается до обобщения, и этому способствует измененная форма.

Черновики показывают внимание автора к русской пословице и поговорке. Впервые видим, что в прозе Пушкин работает над этим видом фразеологии. Количественно это небольшая работа, так как и пословиц и поговорок мало в этих произведениях. В каком же направлении она ведется?

Во-первых, видна тенденция использовать пословицы и поговорки в наиболее народном виде; во-вторых, заставить их служить замыслу художественного произведения, раскрыть психологию героя, его внутренний мир, не нарушая народного характера пословицы: в-третьих, имеется стремление слить их наиболее органически с текстом.

Встречаем мы и случай исправления выражений карточной игры. В повести «Выстрел» имеем следующее выражение: «Сильвио взял мел и **уравнял счет** по своему обыкновению». Вначале было: «Сильвио взял мел и **записал на него**» (593), затем появляется фразеологизм, но он не занимал еще того места, которое дал ему Пушкин в окончательном тексте: «Сильвио взял мел и по своему обыкновению молча **уравнял счет**» (593).

Более заметной переработке подвергает писатель литературные реминисценции и цитаты. «...вышла моя кормилица и обняла меня с плачем и рыданием, как многострадального Одиссея». В черновике было «много-

страдального Моисея» (И. с. Г., 699). Замена произведена более привычным и знакомым литературным образом.

В повести «Барышня-крестьянка» Пушкин использует литературную цитату из произведения Шаховского: «Но на чужой манер хлеб русский не родится», но, видимо, он хотел ее дать не в подлинном виде, а в качестве намека. Первоначально она звучала так: «Но русский хлеб упрям и по чужой дудке не пляшет», а еще раньше: «Но русский хлеб упрям и (на) чужую статью не подымается» (663).

Как и ранее (1828—1830 гг.), Пушкин много работает над иноязычной фразеологией. Ни одно из иноязычных выражений не используется в готовом виде, обязательно делается попытка стилистически обработать его, отыскать лучший способ включения в текст или даже заменить его русским выражением. Однако по сравнению с предыдущим периодом количество иноязычной фразеологии убывает.

После «Повестей Белкина» и «Истории села Горюхина» до начала работы над повестями «Дубровский» и «Пиковая дама» Пушкин в 1831 г. создает произведение «Рославлев». Замысел его был вызван романом Загоскина «Рославлев, или русские в 1812 году», вышедшим в 1831 г. Произведение Пушкина осталось незаконченным [12]. К этому же времени относится отрывок «Роман на кавказских водах», имеющий дату 30 сентября 1831 г. Он невелик по размерам (всего около трех страниц) и дает мало материала по фразеологии. Фразеологизмы в нем носят бытовой характер и близки к типу сочетаний. «...спи себе на здоровье...» (413), «бог ведает куда» (412), «куда тебя бог несет» (412). В повести «Рославлев» значительно больше устойчивых выражений, и по своему типу они приближаются к фразеологическим сочетаниям. Их можно разбить на две группы:

1. Бытовые, широко принятые в разговорной речи: «Дай бог...», «то воля ваша...», «слава богу...», «одетую не по летам».

2. Вторая группа — тоже бытовые фразеологизмы, но с оттенком книжности: «Она казалась не в духе», «...получает ее руку», «Брат был идолом всего нашего семейства» [13], «И пожар Москвы наших рук дело...», «...приношу их в жертву...».

Имеется иноязычная фразеология, точнее, цитаты на иностранных языках.

Наблюдения над вариантами белого и черного автографов повести «Рославлев» и отрывка «Роман на кавказских водах» не позволяют сделать каких-либо выводов, так как исправления слишком незначительны. В отрывке «Роман на кавказских водах» имеется единственный случай изменения фразеологизма: «...**Пошли нам бог только здоровья...**», первоначально было: «Дай бог нам...».

Так же незначительны исправления и в повести «Рославлев»: «**Целые часы** проводила она, облокотясь на карту...», вместо первоначального: «целые ночи» (739). Исправление сделано, вероятно, в целях правдоподобия. «...Французы **сами изрыли** себе ад...». Первоначально было: а) «Сами при(готовили)...» б) «сами готовят себе гибель...» в) «сами устраивали свою гибель...» (739). Есть включение иноязычного фразеологизма. Первоначально было: «Ждали от нее импровизации», а окончательно стало: «Ждали от нее поминутно **воп-пот**» (733).

Общие выводы по этим двум произведениям можно сделать следующие:

1. Отсутствуют русские пословицы и поговорки.
2. Преобладают устойчивые выражения типа фразеологических сочетаний.

IV

В феврале 1833 г. Пушкин закончил работу над повестью «Дубровский», а в октябре—ноябре этого же года была написана «Пиковая дама». Хронологически к этому же периоду относятся незаконченные «Часто я думал...» (1833 г.) и «Повесть из римской жизни», предположительно датируемая 1833—1835 гг. Два последних произведения малы по размерам и не дают каких-либо значительных материалов по вопросам фразеологии.

В повести «Дубровский» фразеология значительно заметнее и играет большую роль, чем в предыдущих произведениях писателя. В речи персонажей повести, особенно представителей простого народа, постоянно фигурируют народные пословицы и поговорки. «...Плетью обуха не перешибешь...» (кучер Антон, 174), «...было бы корыто, а свиньи найдутся» (он же, 174). «Ага, слуга в

барина: каков поп, таков и приход...» (Троекуров, 217). Представлены в повести и русские народные поговорки, также главным образом встречающиеся в речи представителей крестьян, их употребляет и Троекуров. «...заседателя, слышь, он и в грош не ставит» (кучер Антон, 174). «...а небось поджал хвост, когда Гришка мой закричал ему...» (нянька Архиповна, 179), «...дома живешь свинья свиньей» (Троекуров, 193). Основная масса устойчивых выражений в повести «Дубровский» приближается к типу фразеологических сочетаний, широко бытующих в разговорной речи, но все они не лишены оттенка народности: «Отправляйся-ка восвояси...» (207), «грязнулся навзничь...» (223), «... дам еще пятак на орехи...» (217), «...Я проучу тебя по-свойски...» (216), «грех попутал...», «не веря своим ушам» (201), «не на робкого попал...» (179). Среди этого типа фразеологизмов довольно много религиозно-бытовых по характеру, где оттенок религиозности сведен до нуля: «А бог его ведает...» (200), «бог дает...», «я угостила его, чем бог послал» (194), «авось бог пронесет», «бога вы не боитесь» (185) и т. п.

Меньшую часть фразеологических сочетаний следует отнести к книжным: «сделать его счастье...» (210), «...будьте счастливы...» (184), «с позволения сказать» (196). Если они и не книжного характера, то во всяком случае лишены оттенка просторечия.

Возрос удельный вес (сравнительно с более ранними произведениями) фразеологических единств: «Приберет вас к рукам...» (174), «...знать, не из храброго десятка...» (192), «...что ты и своих не узнаешь...», «...исправник казался в дураках» (207). «Пустился во весь дух...», «Он малый не промах» (192).

Эти две группы фразеологизмов придают колорит стилю и языку повести. Чрезвычайно важно, что эти фразеологизмы весьма часто изменяются Пушкиным применительно к положению: так, выражение «не промах», в смысле ловкий человек, Пушкин в повести «Дубровский» трижды применяет в различных случаях, варьируя его. Помещик Спицын (о молодом Дубровском): «Он малый не промах, никому не спустит»; Троекуров, характеризуя бывшего исправника: «Этот был не промах, не разиня», или, обращаясь к мальчику, который пытался взять кольцо из дупла, Кирила Петрович гово-

рит: «Ты, косой, ты мне кажешься **малый не промах**».

Фразеологизм «спустить шкуру» Пушкин трижды употребляет, вкладывая его в речь различных героев, несколько видоизменяя. «Добро, — сказал Кирила Петрович, — запереть его куда-нибудь, да смотреть, чтоб он не убежал, или **со всего дома шкуру спушу**». Помещик Спицын говорит: «А с меня, пожалуй, и **две шкуры сдерет**». Кучер Антон на вопрос В. Дубровского отвечает: «...а достанутся чужие, так он с них **не только шкурку, да и мясо-то отдерет**». Пушкин органически включает поговорку в речь героя, изменяя ее, приспосабливает и к характеру говорящего, и к данной ситуации. Он включает ее в состав сказуемого, что способствует созданию особой значимости и выразительности.

Близко к этой группе примыкают фразеологизмы, имеющие служебный характер, широко распространенные в речи всех героев и в авторской: «**Сию минуту**, — отвечала дама...», «Между тем здоровье Андрея Гавриловича **час от часу становилось хуже...**», «Расхаживая тяжелыми шагами **взад и вперед по зале**». Эти фразеологизмы, которые мы называем служебными, встречались и в ранее рассматриваемых произведениях, однако в этой повести некоторые из них принимают оттенок народности, что достигается путем морфологических или синтаксических особенностей. Оттенок просторечности в выражении: «тебе како дело? — отвечал мальчик» — создается путем усечения окончания, «**како**» вместо «какое», а в предложении: «Кирила Петрович сам по себе, а Андрей Гаврилович сам по себе» — подобный оттенок создается особым синтаксическим построением «**сам по себе**».

Можно выделить группу фразеологизмов книжно-библейского характера, которые в отдельных случаях не лишены налета народности. Эти выражения встречаются в речи священника: «...**суета сует**, — сказал священник...», «**Удались от зла и сотвори благо**, — говорил поп попадье». Бытовые, просторечные слова «поп», «попадья» рядом с библейской цитатой снижают несколько книжность цитаты. Такие выражения присущи не только священнику, они встречаются и в речи людей из народа: «...**а в животе и смерти бог волен**», — пишет нянька в письме. «**Господи упаси и избави**», — говорит кучер. Два последних выражения носят явно бытовой народ-

ный характер. Они встречаются в «Капитанской дочке», в речи Василисы Егоровны: «Иван Кузьмич, в жите и смерти бог волен...», и в «Евгении Онегине» в устах няни:

«Господь, помилуй и спаси».

Следует отметить интересную группу юридических фразеологизмов, что, конечно, вызвано показом суда и судебного иска: «Положенный срок прошел» (176), «Отнести ко мне...» (101), «Вводить во владения...» (181). «Объявить помещику стрешение от власти...» (181). Наличие юридических выражений — это спецификум повести «Дубровский» в области фразеологии. Почти полностью отсутствует иноязычная фразеология, в то время как в предыдущих произведениях она играла большую роль, особенно в тех, которые относятся к 1828—1830 гг. В повести «Дубровский» можно отметить только два иноязычных фразеологизма, один в авторской речи: «...Троекуров был чрезвычайно им доволен, ибо принимал *tous les frais* князя, как знак уважения и желанья ему угодить» (210); другой фразеологизм в речи француза-гувернера, ожидающего на почтовой станции лошадей: «...и тогда *bonsoir*, еду в Париж» (200).

Не встречаемся здесь мы и с литературными цитатами и реминисценциями, которые играли на предыдущих этапах значительную роль.

Фразеология повести «Пиковая дама», которая написана несколько позже повести «Дубровский», существенно отличается от фразеологии последнего произведения, хотя имеет и целый ряд точек соприкосновения. Прежде всего, в повести «Пиковая дама» отсутствуют народные пословицы и поговорки, тогда как в произведении «Дубровский» они играют большую роль. Конечно, это надо объяснить сюжетом повести: изображается высшее общество, где пословицы и поговорки мало были в ходу. Есть фразеологизмы с некоторым налетом просторечия, иногда даже грубоватого, которые чаще всего встречаются в речи старой графини: «долг долгу рознь», «с голосу спала», «столбняк ли на тебя нашел, что ли?» [14]. Встречаются они и в речи других героев и автора, однако их мало, значительно меньше, чем в повести «Дубровский», но все же несколько больше, чем в «Повестях Белкина». Принадлежат они к типу фразеологических сочетаний.

Можно отметить фразеологические сочетания нейтрального характера: «Лизавета Ивановна вышла замуж...», «... был коротко знаком». «Вам скажут нет, — и делать нечего». Все эти фразеологизмы стоят на грани обычных сочетаний слов, и возникает вопрос, можно ли и следует ли их считать за фразеологизмы. Далее в повести «Пиковая дама» следует отметить фразеологические сочетания книжного характера, некоторые с оттенком церковности: «с пагубой вечного блаженства» (241), «алкала его душа» (245), «... всем, что ни есть святого в жизни» (241), «угрызения совести» (245), «голос совести» (246). Наконец, обнаруживаем фразеологию, связанную с карточной игрой. Она уже встречалась в повести «Выстрел», но здесь играет большую роль, так как изображение карточной игры проходит через всю повесть: «играю мирандолом» (227), «ни разу не поставил на руте...» (227), «гнул углы...», «не загнул ни одного паролы» (227).

Карточное арго уже с половины XVIII в. вошло в низкие жанры литературы. «В конце XVIII века оно получает права свободного входа в средний стиль литературного повествования. Например, в романе «Игра судьбы» Николая Эмина [15]. В первой четверти XIX в. растет интерес к аргоизмам и профессионализмам. Карточные выражения главным образом встречаются в речи действующих лиц, но есть они и в речи автора, когда он говорит о Германе. Встречаемся в повести «Пиковая дама» один раз с литературной реминисценцией: «Горек чужой хлеб, — говорит Данте, — и тяжелы ступени чужого крыльца...»

Фразеология этой повести отличается от фразеологии повести «Дубровский», хотя написаны обе они по времени близко друг к другу. В отношении устойчивых выражений «Пиковая дама» приближается к «Повестям Белкина». Разница между повестью «Дубровский» и повестью «Пиковая дама» главным образом в том, что наличие народных поговорок, пословиц, фразеологических сочетаний с бытовым народным характером в повести «Дубровский» создает определенный стиль, даже подбор фразеологизмов церковного характера в ней не лишен налета народности. И в том и другом произведении имеются фразеологизмы просторечного характера, иногда даже грубоватого, но их в «Пиковой даме» во много

раз меньше, чем в повести «Дубровский». Однако в обеих повестях в области фразеологии есть и общее, что сближает их между собою и вместе с тем отличает от произведений предыдущих этапов. Это прежде всего почти полное отсутствие иноязычной фразеологии, — на предыдущих этапах она обязательно присутствует, — полное отсутствие литературных цитат и почти полное — литературных реминисценций. Затем, в той и другой повести присутствует профессиональная фразеология, в повести «Дубровский» — юридическая, в «Пиковой даме» — картежная. Это тоже своеобразие данного этапа. Со стороны грамматической следует отметить, что разговорно-бытовые фразеологизмы с оттенком народности, которых значительно меньше в повести «Пиковая дама», используются или в качестве сказуемого, или входят в состав его.

Другие произведения, относящиеся к этому периоду, не дают какого-либо дополнительного материала, они весьма малы по своим размерам. В «Повести из римской жизни» наталкиваемся на следующее фразеологическое сочетание: «Мы все изъявили желание...» (387), других не отмечается. Кроме того, встречается цитата из Горация: «Красно и сладостно паденье за отчизну» (390).

Если обратиться к черновикам произведений, то придется ограничиться разбором только одной повести «Дубровский», так как черновики «Пиковой дамы» не имеется, а другие — «Повесть из римской жизни», «Часто я думал...» — не дают материала: в первом отрывке почти нет фразеологизмов, а второй слишком мал.

В повести «Дубровский» заметна большая работа Пушкина над фразеологией. Она касается главным образом народных поговорок и пословиц, но и речения типа фразеологических сочетаний иногда тоже подвергаются правке. Автор исправляет фразеологизмы, включает их в текст, заменяет ими обычные сочетания, вычеркивает или заменяет одно фразеологическое выражение другим. Процесс исправления фразеологизмов — наиболее частое явление (11 случаев), касается главным образом речи героев и имеет основную задачу: или способствовать более глубокому раскрытию образа, или помочь развернуть действие. В речи автора исправление фразеологизмов встречается только три раза. Ис-

правления иной раз очень незначительны, но они не безразличны, всегда имеют смысл и вносят определенный оттенок. В речи кучера Дубровских Антона в окончательном тексте имеем: «... он с них не только шкурку, да и мясо-то отдерет», а было: «Да и мясо отдерет» (773), то есть вставлена частица «то». В речи Троекурова: «...а не догадаешься, с кем бог свел» (799) — вставлено одно слово «тебя». Исправления небольшие, но они свидетельствуют о стремлении автора максимально приблизить речь к живой разговорно-народной манере и даже интонации и таким образом оживить фразеологизм и слить его со всей речью героя. Об этом свидетельствует и характер исправления в речи няньки Дубровского. В окончательном тексте звучит: «На ногах не стоишь, а туда же норовишь, куда и люди», в наиболее близком черновом варианте было: «На ногах не стоит, а туда же норовит, куда и люди» (775). Исправлено лицо глагола с третьего на второе, но от этого фразеологизм принял более конкретный характер, прозвучал более фамильярно, но вместе с тем показал положение старой няньки у Дубровских, которой позволялась подобная вольность в обращении с господами. В разговоре Спицына с Троекуровым во время именинного обеда имеется выражение: «...а с меня, пожалуй, и две шкуры сдерет». В черновике было: «... и шкуру сдерет». Изменение обычного фразеологизма, видимо, потребовалось Пушкину, чтобы развернуть дальнейший ход диалога, что тоже способствовало более тесному слиянию фразеологизма с текстом. «За что же, братец, такое отличие?» — спрашивает его Троекуров.

В авторской речи, как уже говорилось, исправления фразеологизмов встречаются реже, но в ней и устойчивых выражений меньше, чем в разговорах героев. Таких исправлений встретилось всего три.

Рассмотрим все эти случаи. В окончательном тексте имеем: «Дело стало тянуться». Речь идет о судебном процессе. В черновом варианте было: «Дело завязалось» (762). Несомненно, окончательный вариант более соответствует положению вещей. Важно не только то, что судебный процесс завязался, но и то, что он принял затяжной характер. Второй вариант имеет более широкое, более емкое значение. Второй случай: «Уверенный в своей правоте, Андрей Гаврилович мало о нем

беспокоился, не имел охоты, ни возможности сыпать около себя деньгами...»; в черновом варианте было: «...не имел охоты, ни возможности сорить деньгами». Почему Пушкин отказался от первого варианта? Выражение «сорить деньгами» имеет смысл небрежно тратить, мотать, обращаться с ними, как с сором. Пушкину не то нужно было. Он хотел показать, что Дубровский не сыпал деньгами, не подкупал судей и других чиновников. Вот почему произведена замена слова. Таким образом, в обоих случаях исправление фразеологизмов произведено в целях большей точности и соответствия положению. Третий случай исправления устойчивых выражений несколько отличается от двух первых: «Никто в доме не смыкал глаза». Так сказано в окончательном тексте, но предварительно было «не смыкал глаз», еще раньше — «не смыкал глаза» (787). Нельзя с уверенностью сказать, какую морфологическую форму употребил Пушкин в окончательном тексте: родительный падеж единственного числа или винительный множественного, вероятнее всего, винительный падеж множественного числа. Выбор окончательного варианта, видимо, определился желанием Пушкина ввести большую определенность в устойчивое выражение, так как винительный после глагола с отрицанием всегда вносит большую конкретность. Вместе с тем выбор последней формы вывел ходячее выражение из его трафаретной формы и заставил его звучать более свежо и остро.

Следующий процесс — вставка фразеологических выражений происходит почти в равной мере как в речи автора, так и в разговорах героев. «Гости шептались между собою, исправник казался в дураках. Француза не нашли». Устойчивое выражение «исправник казался в дураках» найдено было Пушкиным не сразу, предварительно было: а) исправник суетился, б) исправник отчаявался, в) исправник отчаявался в добыче (810). Близкие явления к только что разобранному случаю имеем в следующих исправлениях: «Он увидел, во-1) что Дубровский мало знает толку в делах...», — в черновике было: «мало смыслит» (762). «...Шабашкин за него хлопотал, действуя от его имени, страшая и подкупая судей и толкуя вкрив и впрям всевозможные указы». Устойчивое выражение «вкрив и впрям» отсутствует в черновике: а) страшая и подкупая судей, б) страшая,

подкупая судей и тол (куя) всево(зможные) указы (763).

Всего случаев вставок фразеологизмов в авторскую речь имеется пять. Остальные случаи относятся к речи действующих лиц. Почти всегда эти исправления как в авторской, так и в речи героев падают на сказуемое. Помещик Спицын говорит про Дубровского: «Он **малый не промах...**», а предварительно выражение «не промах» отсутствовало. В речи Троекурова звучит: «Ты, косою, ты мне кажешься **малый не промах**», в черновом варианте было: «малый не глупый» (822). «**Кто там смел рот разинуть**», — сказал грозно исправник...», — в черновике: «Кто там смеет говорить» (783). В речи Троекурова имеем: «Дело его ходить за Сашей и учить грамматике да географии»; в черновом варианте: «Дело его учить Сашу грамматике и географии» (791). В словах француза Дефоржа встречаем фразеологизм: «**Нанял меня за глаза в учителя**», его не было в первоначальном варианте: «Нанял меня в учителя» (204). Мальчик, пытавшийся взять кольцо, говорит: «**Хлеба, ради Христа, хлеба**»; в черновом варианте устойчивого выражения «ради Христа» нет. Смысл вставки фразеологических выражений ясен: усиливается национальный колорит языка, его народность, а вместе с тем выразительность, более глубоко раскрывается образ. Фразеологизм, включенный в состав сказуемого, становится особо выразительным, интенсивно выявляет свои качества и свойства: краткую и сильную коммуникативность, соединенную с образностью.

Дважды встречаем случаи замены фразеологизмов одного другим: один в речи няньки Егоровны и другой — в речи Троекурова. «Больно спесив Кирила Петрович! А небось **поджал хвост**, когда Гришка мой закричал ему: «Вон, старый пес! Долой со двора!» В черновом варианте было: не «поджал хвост», а «прикусил язычок» (781). Замена вполне понятна, фразеологизм окончательного текста более оскорбителен, более груб, а вместе с тем точен и соответствует изображенной ситуации. «Прикусил язычок» — значит замолчал, «поджал хвост» — струсил. И няньке, и слушателям, дворовым Дубровского, хотелось показать, что Кирила Петрович, несмотря на всю его спесь, может струсить. Второй случай: «Слушай, брат, Андрей Гаврилович: коли в твоём Володьке **будет путь**, так отдам за него Машу». Первона-

чально было: «Коли твой Володя выдет в люди» (756). Замена фразеологизма объясняется тем, что окончательный имеет более обобщенное значение, чем первый, и более соответствует положению, точнее выражает мысль. «В люди выходить» сыну Дубровского не нужно с точки зрения дворянства того времени, он уже офицер гвардии, но для крупного помещика Троекурова этого мало; как сложится дальнейшая судьба Владимира, еще неизвестно. В обоих случаях фразеологизмы выступают в качестве сказуемого.

Наконец, мы имеем случаи исключения фразеологизмов из окончательного текста. «Удались от зла и сотвори благо, — говорил поп попадье, — нечего нам здесь оставаться». В черновом варианте было: «...говорил поп, — не твоя печаль чужих детей качать» (782). В речи кучера Антона исключена народная пословица: «Кирила Петрович сам по себе, а Андрей Гаврилович сам по себе, а все мы божьи да государевы, да ведь на чужой рот пуговицы не нашъешь». Вместо слов: «а все мы божьи да государевы» в черновике стояло: «в чужой монастырь (да) с своим уставом не ходи» (773). Видимо, в этих случаях Пушкин не хотел перегружать речь фразеологизмами. В некоторых случаях исключение происходило явно в силу того, что писатель стремился к более краткой и сильной выразительности. «И просить иных прочих убираться **подобру-поздорову**» (784). В черновике было еще одно устойчивое выражение: «...подобру-поздорову, **пока их собаками не вытравили**». Или другой случай: «...Кто смел со мной разговаривать, я его!» (784). Предварительно стояло: «...Со мной разговаривать, **я его доеду**». Окончательный текст дал больше живости и выразительности речи наглых и уверенных в безнаказанности чиновников.

Итак, в повести «Дубровский» наблюдается большая работа Пушкина над фразеологизмами, в том числе над народными пословицами и поговорками. С последним обстоятельством мы впервые встречаемся в языке художественной прозы в таком большом объеме. Автор не останавливается перед некоторыми изменениями фразеологизма, но без нарушения его народного духа и смысла, а в некоторых случаях стремится углубить его и сделать более емким и приспособленным к данному положению. В результате фразеоло-

гизм органически входит в языковую ткань. Вместе с тем Пушкин стремится поставить его в наиболее выгодное положение, где бы его смысл и образность стали особо эффективны и выразительны. Необходимо отметить, что в повести «Дубровский» не встречается иноязычной фразеологии. Судя по черновикам, даже отдельные иноязычные выражения и слова изгоняются, вычеркиваются. Это удаление немногих иностранных выражений тем более интересно, что в предыдущих произведениях иноязычная фразеология была весьма заметна, и Пушкин работал над ней.

V

В период после повестей «Дубровский» и «Пиковая дама», до создания «Капитанской дочки», Пушкиным были написаны произведения: «Кирджали», «Русский Пелам», «Мы проводили вечер на даче...», «В 179... году возвращался я...», «Марья Шонинг», «Египетские ночи».

Все эти произведения относятся к 1834—1835 гг. и представляют собой, за исключением «Кирджали», незаконченные вещи. Некоторые из них датируются предположительно. Во всех произведениях данного периода русских народных пословиц нет. Вполне возможно, это объясняется тем, что ряд произведений по своему сюжету не из русского быта («Кирджали», «Марья Шонинг»), а в остальных изображается высшее общество. Но важно отметить, что в них нет и иностранной фразеологии. Видимо, Пушкин уже не нуждается в ней даже при описании верхов общества. Вместе с тем имеется чисто русская просторечная фразеология типа устойчивых сочетаний или единств: «Турки **развесили уши**», «Победа, — сказал ему Чарский, — **ваше дело в шляпе**», «...а она **останется в дурах...**» Однако подобных выражений мало. Заметнее всего они представлены в рассказе «Кирджали». Здесь есть устойчивые выражения, приближающиеся к типу афоризмов, что сообщает восточный колорит произведению: «**Никто своей судьбы не избежит**» (259), «**Час мой близок**» (259). Это относится главным образом к речи Кирджали, в речи автора встречаются выражения типа фразеологических сочетаний с некоторым налетом фольклоризма: «Думали, думали и положили» (259), «Тут бог привел» (256). Фразеология рассказа «Кирджали» более народна, чем «Повестей Белкина».

В отрывке «Марья Шонинг» (написанном не ранее 1834 г.) характер фразеологии таков, что она как бы лежит на грани устойчивого и обычного сочетания и носит бытовой характер: «**Побывала у тебя в гостях...**» (393). «**Все было кончено...**» (395). «**Я была не в силах...**» (395). Фразеология в произведениях «Мы проводили вечер на даче...», «Русский Пелам», «Египетские ночи» носит или нейтральный характер: «Нет, шутки в сторону...» (Мы п. в. на д.), «бранился зуб за зуб...» (Р. П., 417), «...но делать было нечего...» (Е. н.), или, в соответствии с тематикой произведений, имеет светский оттенок: «Он **вошел в связь** с женщиной...» (Р. П., 415). «**Вы напрашиваетесь на комплимент**» (Мы п. в. на д.). Фразеология, независимо от ее характера, в этих произведениях Пушкина прочно входит в состав предложения, чаще всего в состав сказуемого или в его группу.

В отрывке «Египетские ночи» есть выражение, представляющее устойчивое сочетание со словом «цвет». «А это еще **цветы ремесла**» (263). То же в рассказе «Кирджали»: «После несчастного сражения, где погиб **цвет греческого юношества**» (255) и в «Русском Пеламе»: «**Не в первом цвете молодости**» (416). Сочетания со словом «цвет» принадлежат к устойчивым трафаретам поэтического языка конца XVIII — начала XIX в., к тем условным перифразам, которые вводили поэзию от реалистического изображения явлений жизни. Сочетания со словом «цвет» наиболее широко употреблялись в поэзии, особенно в элегиях. Видимо, начало свое они ведут от поэзии Карамзина, имеются они и у Державина, затем входят в язык прозы. У Марлинского в повести «Испытание» (1830 г.) встречается: «Он не хочет прибегать ни к каким околичностям, ни к каким сетям льстивой лргики или **цветам красноречия**, дабы убедить или увлечь ее». Здесь это выражение звучит так же, как и в поэтическом языке начала XIX в. Почти одновременно с Марлинским Пушкин ввел это сочетание в прозу: «...я избрал замечательные анекдоты, некогда мною слышанные от разных особ, и старался украсить истину живостью рассказа, а иногда и **цветами собственного воображения**» (И. с. Г., 132). Но в употреблении Пушкина эти выражения получают большой стилистический диапазон: в то время как в рассказе «Кирджали» это сочетание звучит героически, при большой его реалистич-

ности, в «Истории села Горюхина» оно получило оттенок пародии и легкой иронии, а в отрывках «Египетские ночи», благодаря включению бытового слова «ремесло», все выражение «цветы ремесла» лишается высокого поэтического значения и звучит по-бытовому и невольно в сознании читателя связывается с поговоркой: «Это цветочки, а ягодки впереди». В «Русском Пеламе» подобное сочетание также носит бытовой характер, может быть, с легким оттенком иронии. В тоне сильной иронии, переходящей в сатиру, звучит оно в «Евгении Онегине»:

Тут был, однако, цвет столицы,
И знать, и моды образцы,
Везде встречаемые лица,
Необходимые глупцы.

(Гл. 8, строфа XXIV).

В произведениях рассматриваемого периода изредка встречаются устойчивые выражения, носящие профессиональную окраску: «...пожалован сержантом» (Р. П.), «...вышел в отставку» (Р. П.).

В целом следует сказать, что фразеология произведений 1834—1835 гг., несмотря на отсутствие русских поговорок, звучит весьма национально и народно, не уступая в этом отношении повести «Дубровский». Изучение черновых материалов показывает, что Пушкин проделал значительную работу над фразеологией [16]. Обычные выражения переделываются во фразеологические. Это достигается по-разному: иногда путем вставки фразеологизма или исправления его, один фразеологизм заменяется другим или вычеркивается, иноязычный заменяется русским.

Переделки обычного выражения в устойчивое наиболее часты. «Надобно было видеть его целомудренный ужас с некоторой примесью лукавого кокетства, когда Анна Петровна косо поглядывала на него за столом...» (Р. П.). В варианте автографа просто «поглядывала» (972), то есть фразеологического сочетания нет. В этом же произведении: «Отец был пожалован сержантом...», в варианте автографа: «...Отец мой был сержантом гвардии прежде...» (970). В отрывке «В 179... году возвращался я...»: «Дорогой узнал я от солдата, что дочь ее Екатерина Ивановна уже в невестах». В варианте автографа: «уже невеста» (978). Таким образом, во всех случаях вставкой незначительных слов или изменением

формы обычное выражение переводится во фразеологическое. Один раз наблюдается вставка фразеологизма. «Она была женщиною необыкновенной по уму и сердцу, как узнал я после по рассказам людей, **не знавших ей цены**» (Р. П.). В черновом варианте последнее выражение было вычеркнуто и только после вновь вставлено (1970). В трех случаях Пушкин вносит исправления в имеющийся уже фразеологизм; причем, судя по черновикам, он упорно работает над этими исправлениями. «А он на другой день уедет в чужие края — а она **останется в дурах**» (Мы п. в. на д.). Предварительно было: а) Да! И попадет в дуры; б) Прекрасно! И останется в дурах (1986). Здесь не только переделывается устойчивое выражение, но и изменяется способ его соединения с остальной частью текста. Окончательный вариант более тесно включает фразеологизм в контекст, он перестает резко выделяться, противопоставление не только логическое, но и грамматическое способствует этому, и весь текст, включая и устойчивое выражение, более точно передает действительное положение. Иногда работа заключается в незначительной перестановке слов, имеющей исключительно стилистическое значение: «Победа! — сказал ему Чарский. — **Ваше дело в шляпе**». Первоначально было: «...дело ваше в шляпе» (847). Пушкин приводит фразеологизм в привычную форму, делает прямой порядок слов. Обычно это выражение употребляется без слов «ваше» [17]. Пушкин введением этого слова вливает фразеологизм в поток речи, и он становится ее органической частью. Слиянию фразеологизма с остальным текстом Пушкин уделяет очень большое внимание. Устойчивое выражение «играть роль» в произведении «Египетские ночи» только в результате троекратной перестановки нашло свое окончательное положение в предложении. Оставаясь неизменным, оно становится то подлежащим, то определением к подлежащему, меняется глагольная связка, соединяющая сказуемое с подлежащим, подбирается морфологическая форма именной части сказуемого. В окончательном тексте мы имеем: «Играть роль в этой комедии казалось Чарскому очень неприятно», а предварительно было: а) «мысль играть роль в этой комедии была неприятна», б) «играть роль в этой комедии было неприятно» (852). Не всегда уловимые с первого взгляда оттенки придавал Пушкин

предложению своими перестановками и исправлениями, добываясь предельной точности мысли. Имеется единственный для произведений рассматриваемого периода случай замены одного фразеологизма другим: «...**Поставил меня в угол**». В варианте было: «поставил меня **н(а) колени**» (Р. П., 971). Вероятно, замена вызвана желанием подобрать выражение, наиболее соответствующее образу отца героя. В повести «Марья Шонинг» встречен случай исключения фразеологического сочетания, что явно вызвано необходимостью более точно указать время. «Час от часу ему было хуже» (941), в окончательном тексте фразеологизм «**час от часу**» оказался исключенным, и все предложение приняло иной вид и смысл. «К вечеру боль унялась...». В повести «Египетские ночи» иноязычные фразеологизмы заменяются русскими: «а вы уже будете в моде, вот вам моя рука». В предварительном варианте последнего фразеологизма не было, а были итальянские: а) в моде, чорт возьми, б) в моде per dio, в) в моде, согро di Вассо. Сперва они заменяются русским «чорт возьми», а затем и это выражение вытесняется менее эмоциональными «вот вам моя рука». Необходимо заметить, что не только фразеологизмы, но и другие иноязычные выражения изгоняются и заменяются русскими. В этом же отрывке: «Победа! — сказал ему Чарский», судя по черновику, предполагалось здесь дать итальянское слово: «*Vittoria!* Вскричал...». В отрывке «Мы проводили вечер на даче...» французское выражение заменяется русским. В варианте было: «Молодая графиня К., кругленькая дурнушка, *grit un petit air de dignité*» (987), в окончательном же тексте французского выражения уже нет, найдено было соответствующее русское: «Молодая графиня К., кругленькая дурнушка, постаралась придать важное выражение своему носу...» (425).

Подводя итог наблюдений за работой писателя над фразеологией в рассматриваемых произведениях, отмечаем, что, несмотря на отсутствие русских народных пословиц, фразеология данного периода звучит весьма национально и народно. Пушкин сумел придать этот характер народности обычным устойчивым выражениям. Он явно предпочитает употребить фразеологизм, где это только возможно. Обычное выражение незначительной правкой превращает во фразеологическое, делает его

главным членом предложения, наиболее часто — сказуемым, достигая тем самым максимума выразительности, дает фразеологизму большую смысловую нагрузку. Пушкин очень много работает над способом включения фразеологизмов в общий поток речи, стремясь не подчеркивать его. Он исключает иноязычные выражения, заменяя их русскими.

VI

Более, чем в любом другом произведении, Пушкин использует фразеологию в повести «Капитанская дочка». Здесь она обильно представлена русскими народными поговорками и пословицами. Нельзя сказать, что в повести отсутствуют другие типы устойчивых выражений, они имеются, но роль русских народных пословиц и поговорок здесь более значительна, чем в других прозаических произведениях Пушкина. Большое количество фразеологизмов — в речи Гринева; он является повествователем, иногда его повествование переходит в диалогическое, фразеологизмы имеются и в той и в другой части. Однако по насыщенности устойчивыми выражениями, особенно русскими пословицами и поговорками, первое место принадлежит речи Пугачева. Ярко и сочно использованы фразеологизмы в языке представителей народа: Савельича, пугачевцев, ямщика, хозяина умета.

Рассмотрим повествовательную речь Гринева. Народных пословиц отмечаем две: «Семь бед, один ответ» (280); «...Коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка» (384). Значительно больше фразеологических сочетаний с оттенком народности: «Попадья стала угощать меня, чем бог послал» (357) (это выражение встречается дважды). «Кругом виноват» (309). Далее следует отметить выражение такого же типа, но с оттенком грубоватого просторечия: «Все дело пошло к черту» (309). «Несчастный француз был мертво пьян» (280). «...И в тот же день прогнали со двора» [18] (280). «Треснул его (виноват) в ухо» (377). «Я жил недорослем, гоня голубей...» [19] (280). Довольно значительна группа фразеологических сочетаний нейтральных, принятых в речи самых широких кругов: «посмотрел на него косо» (377), «жили душа в душу» (280); «я чуть с ума не сошел» (342).

Наконец, имеется группа служебных фразеологизмов. Это наиболее многочисленная группа, среди них многие повторяются: «час от часу» (283); «как ни в чем не бывало»; «мало-помалу»; «но спорить было нечего» (282); «но делать было нечего» (291); «мы остались глаз на глаз» (331); «сколько у меня всего-навсего денег» (344). Фразеологизмы, носящие книжный характер, тоже имеют место в повествовательной речи Гриневы: «Если бы паче всякого чаяния...» (279). Есть выражение, на котором следует остановиться: «Матушка, знавшая наизусть все его **свычай и обычай**, всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подальше...» (396). Сочетание «свычай и обычай», вероятнее всего, взято Пушкиным из «Слова о полку Игореве», где неизвестный автор, говоря о Всеволоде, упоминает: «... и своя милая лоти красная Глебовны **свычай и обычай**» [20]. Пушкин в эти годы занимался «Словом о полку Игореве», об этом свидетельствуют воспоминания И. А. Гончарова [21] и С. П. Шевырева [22].

Является ли выражение «свычай и обычай» устойчивым?

М. И. Михельсон в своем сборнике «Русская мысль и речь» приводит очень близкое выражение, ссылаясь на «Проселочные дороги» Григоровича: «Мои собратья по литературе, которые описывают большой свет... должны знать лучше меня все его **свычки и обычай** — им и книги в руки». В других сборниках мы не встречали его. Может быть, и автор «Слова о полку Игореве» воспользовался готовым фразеологизмом. К книжным же следует отнести и следующее выражение: «Я взял на себя вид равнодушный и, обратясь к Савельичу, который был и денег и белья и дел моих **рачитель...**» (284). Это — цитата из стихотворения Д. И. Фонвизина «Послание к слугам моим: Шумилову, Ваньке и Петрушке». Она встречается в переписке Вяземского и Тургенева. Вяземский писал 8 сентября 1835 г.: «Николашка его, **парика и книг его рачитель**, напился пьян...» [23]. Близость даты письма Вяземского ко времени создания повести «Капитанская дочка» дает повод думать, что повторение этой цитаты у Вяземского и у Пушкина вряд ли является случайным.

Довольно значительна группа военных выражений: «Скомандовал **марш, марш, в галоп**»; «и за ним целый

эскадрон с саблями наголо» (381). «Со мной сели два гусара с саблями наголо» (365). «Они были выстроены во фронт» (297). «Гарнизон стоял в ружье» (322). Есть единственное во всей повести выражение на французском языке: «roug être outchitel» (279).

Таким образом, мы видим, что фразеологизмы в повествовательной речи обильны, но они не те, что в речи Пугачева или Савельича. Они слагаются в основном не из пословиц и поговорок, а из выражений, принятых в дворянской среде, хотя элемент народности в некоторых из них присутствует, колорит национальности чувствуется даже в книжных выражениях. Что касается фразеологизмов, которые употребляет Гринева в своей прямой (диалогической) речи, то они принципиально ничем не отличаются от тех, которые имеются в его повествовательной речи, основная их масса носит религиозно-бытовой оттенок, они раскрывают его индивидуальные особенности — покорность судьбе. «Слава богу, — отвечал я слабым голосом...» (307). «Не тужи, Савельич; бог милостив; авось увидимся!» (341). «Казнишь — бог тебе судья» (333). «Каждый день будем бога молить о спасении грешной твоей души...» (356). «Отпусти меня с бедной сиротой, куда нам бог путь укажет» (356).

Синтаксически группа последних фразеологизмов органически включается в состав предложения, они чаще всего входят в состав сложноподчиненного предложения, часто бессоюзного, составляют или главное предложение его, или придаточное, но всегда та часть, на которую падает логическое ударение, в которой заключается основной смысл всего предложения. Если это простое предложение, то фразеологизм или выражает сказуемое, или входит в его группу, непосредственно соприкасаясь со сказуемым, отчего все предложение приобретает монолитность. В прямой (диалогической) речи Гринева есть и иного типа фразеологизмы, они нейтральны, некоторые же говорят о дворянской природе говорящего: «...и возьми себе на водку» (337), «прощай, ангел мой» (320).

Теперь рассмотрим речь Пугачева и его соратников с точки зрения употребления ими фразеологизмов. Речь Пугачева и его сподвижников богата фразеологией. При первом же знакомстве с Пугачевым во время бурана в

степи обращают на себя внимание устойчивые выражения в его языке: «Сторона мне знакомая, — отвечал дорожный, — слава богу, **исхожена изъезжена вдоль и поперек**» (288), но особенно ярко это проявляется в беседе Пугачева на постоялом дворе, когда он, желая скрыть смысл своего разговора от Гринева и Савельича, говорит с хозяином умета сплошными иносказаниями. Здесь он пользуется тайным языком, который был широко известен бродячим торговцам и некоторым ремесленникам, например шерстобитам. Использование загадок в качестве тайного языка отмечено и нашей летописью [24]. Сцена иносказательного разговора в своем генезисе имеет связь с подлинной манерой Пугачева, что было хорошо известно Пушкину. В «Истории Пугачевского бунта», в главе VIII, Пушкин сообщает следующее, рассказывая о допросе Пугачева Паниным: «Кто ты таков?» — спросил он у самозванца. — «Емельян Иванов Пугачев», — ответил тот. — «Как же смел ты, вор, назваться государем?» — «Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и **изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно**), а вороненок, а ворон-то еще летает» (т. IX, 78). Таким образом, эта сцена иносказательного разговора глубоко национальна, народна и соответствует индивидуальным особенностям Пугачева. Почти каждое выражение Пугачева имеет какое-либо фразеологическое речение. Среди них особую роль играют пословицы и поговорки. Они не повторяются, за исключением одной, которая несколько варьируется: «Моя искренность поразила Пугачева. «Так и быть, — сказал он, ударяя меня по плечу. — **Казнить так казнить, миловать так миловать**» (333). «Ин быть по-твоему! — сказал он. — **Казнить так казнить, жаловать так жаловать**: таков мой обычай» (356). До создания образа Пугачева Пушкин нигде и никогда так широко и тонко не употреблял и не применял народных пословиц и поговорок. Важно отметить, что в языке Пугачева пословица и поговорка не является простым украшением, а конструктивно так включена в высказывание, что обычно стоит в центре его, является его логическим стержнем. Это достигается особенностями синтаксического построения всего предложения, и своеобразием включения в него фразеологизма: «Потом, обращаясь к Белобородову: «Слушай, фельдмаршал! Мы с его благородием старые приятели.

сядем-ка да поужинаем; утро вечера мудренее. Завтра посмотрим, что с ним сделаем» (350); или: «Казалось, суровая душа Пугачева была тронута: «Ин быть потвоему! — сказал он. — **Казнить так казнить, жаловать так жаловать**: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези ее, куда хочешь, и дай вам бог любовь да совет!» (356).

И поговорки и пословицы естественно входят в речь Пугачева, ими преимущественно раскрывается его внутренний облик. С этой целью Пушкин, включая поговорки или пословицы в речь Пугачева, часто их изменяет, творчески перерабатывает, дополняет, не нарушая их народности, их общепринятого смысла: «Заячий тулуп! Я те дам заячий тулуп! Да знаешь ли ты, что я с тебя живого кожу велю **содрать** на тулупы» (336). Здесь фразеологизм «содрать» или «спустить шкуру» изменен и дополнен словом «на тулупы». Это связало его внутренне со всем излагаемым эпизодом повествования, а в синтаксическом отношении прочно включило в поток речи. Все это вместе конкретизировало смысл поговорки, ибо слило в данной ситуации частное и общее. Об этом же говорят и другие примеры: «Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебе веревку на шею. Я чаю, **небо с овчинку показалось...**» (331). В некоторых случаях Пушкин включает в речь Пугачева фразеологизмы, которые, по его сведениям, Пугачев употреблял в действительности.

В повести «Капитанская дочка» Пугачев отвечает Гриневу на вопрос: «А ты полагаешь идти на Москву?» — «Бог весть, **улица моя тесна**; воли мне мало...» (352). В «Истории Пугачевского бунта», в главе III, Пушкин пишет: «Пугачев скучал их опекою. **Улица моя тесна**, — говорил он Денису Пьянову, пируя на свадьбе младшего его сына» (т. IX, 27). В примечании Пушкин сообщает: «Слышано мною от самого Дмитрия Денисовича Пьянова, доньине здравствующего в Уральске». Кроме пословиц и поговорок, в речи Пугачева довольно много устойчивых выражений типа фразеологических сочетаний, но очень многие из них не лишены образности: «**Ступай себе на все четыре стороны**» (333), «**Мне должно держать ухо востро**» (352), «**А разве нет удачи удалому**» (332). Все они имеют оттенок народности. Интересно отметить, что в речи Пугачева совершенно нет фразеоло-

логизмов служебных, может быть, за исключением одного: «Я воюю **хоть куда**» (352). В речи Пугачева совершенно в соответствии с народным характером его языка встречаются устойчивые выражения, которые можно назвать религиозно-бытовыми. Но они не имеют налета религиозности и характера покорности, а производят впечатление общепринятых, трафаретных: «Зачем тебя **бог принес?**» (347). «Опять **бог дал свидеться**» (351), «**Слава богу**».

Говоря о фразеологии в языке Пугачева, необходимо отметить своеобразное явление, с каким мы еще не встречались. В языке Пугачева имеются целые выражения, близкие песенному народному творчеству: «Сторона мне знакомая, — отвечал дорожный, — слава богу, исхожена изъезжена вдоль и поперек» (288). Образ стороны широко используется в народной лирике, в разбойничьих и солдатских песнях. Обычно она рисуется как чужедальная, здесь она «изъезжена исхожена», но тем не менее эта связь с народной песней ощущается. На эту связь указывает и эпиграф, взятый к данной главе:

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашел,
Что не добрый ли да меня конь завез.
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

Старинная песня

Или еще примеры: «А разве нет удачи удалому?» (332), «Уж не зазноба ли сердцу молодецкому? А?» (350). Подлинно таких выражений в народных песнях не встречается, но тем не менее связь с народной лирикой здесь очень ощутительна. Самый способ выражения мысли взят Пушкиным из народных песен. Народная песня поднимается до широких обобщений, поэтому ее отдельные части иногда приближаются к пословице, поговорке, то есть к устойчивому выражению. Пушкин эту особенность отдельных выражений песни использовал в речи Пугачева. Колорит ее создают русские народные пословицы, поговорки, песенные выражения.

В языке сподвижников Пугачева фразеологизмов мало, так как их речи невелики по объему. У Белоборова: «**Сам в могилу смотришь, а других губишь...**»

(349), «Так в чем душа держится» (349). Хозяин постоянного двора совершенно в духе Пугачева говорит иносказательно, своеобразными поговорками. Урядник употребляет фразеологические речения типа: «Бог с тобой, старинушка».

Язык Савельича богат фразеологизмами. Есть русские пословицы, их шесть, одна из них повторяется дважды: «конь и о четырех ногах, да спотыкается», «быль молодцу не укора» и другие. Имеются и устойчивые выражения типа поговорок: «и пойдем, куда глаза глядят» (333), «из огня да в полымя...» (360), «добро бы на пир, а то под обух, того и гляди...» (346), «...да и почивай себе до утра, как у Христа за пазушкой» (333). Есть фразеологические сочетания: «воля твоя...» (345), «грех попутал...» (286), «бог видит...» (314), «господь помог...» (289). Система фразеологизмов в речи Савельича очень ясно раскрывает психологию и идеологию человека, привыкшего покоряться, готового всегда думать о своих господах. Одно выражение Савельича превратилось в поговорку, в устойчивое выражение: «Плюнь да поцелуй» (325) [25].

Значительное количество пословиц и поговорок имеется в речи поручика Ивана Игнатьевича: «Брань на ворота не виснет» (302), «Господь не выдаст, свинья не съест» (316), «Худой мир лучше доброй ссоры», «А не честен, так здоров» (303). Есть выражения типа фразеологических единств: «Кто будет в дураках» (302), но их значительно меньше. Система фразеологии Ивана Игнатьевича раскрывает образ старого служаки. Образ коменданта крепости Ивана Кузьмича виден с иной стороны, показывается его отношение к своему долгу — защите крепости. В силу этого и система его фразеологии другая: «Умирать, так умирать: дело служивое» (324), такую же поговорку употребляет и отец Гринева, сидя в амбаре, в осаде: «Умирать, так умирать уж вместе» (380). В речи коменданта крепости имеются выражения типа фразеологических сочетаний: «Здесь не бабье дело...» (323), «Девка ни жива ни мертва» (323), «Бог даст...» (322). Иногда при помощи поговорок раскрывается его скромность: «Не в укор буди тебе сказано, Максимыч» (314), — так он говорит уряднику.

Даже речь Швабрина не лишена фразеологизмов.

они чаще всего нейтральны: «Бог знает...», иногда характеризуют его дворянскую манеру обращения: «При всем моем уважении к Вам...» (304).

В речи Зурина встречаемся с поговоркой книжного характера: «...и берег его как зеницу ока» (381). По поговоркам и пословицам отца Гринева можно сказать, что это старый военный, имеющий свои взгляды на службу, он высказывает их сыну, отправляя его в армию: «Нет, пускай он послужит в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон» (282).

Видимо, выражение «...тянуть лямку...» широко бытовало в военной среде. «Отец его, боевой генерал 1812 г., всю жизнь свою тянул лямку, командовал сперва бригадой, потом дивизией...» (Тургенев). «На службу не напрашивайся, от службы не отговаривайся» (282). «Умирать, так умирать уж вместе» (380). «Береги платье снову, а честь смолоду» (282), «держат в ежовых рукавицах...» (292).

В значительной мере фразеологизмы способствуют в этой повести индивидуализации речи героев, но это делается очень тонкими штрихами. Принцип своеобразия речи виден и при создании образов второстепенных лиц. Например, в языке попа есть фразеологизмы, которые окрашивают речь его, придавая ей элементы церковной книжности: «несть спасения во многом глаголении» (357). Это выражение явно семинарского происхождения. Многие другие выражения, хотя они и не из семинарского источника, усиливают этот колорит. Фразеология речи его жены — попадьи не имеет налета семинарии, она более бытовая: «С нами сила крестная» (357), «Привел бог опять увидеться» (357), «Промчи бог тучу мимо» (357), «Что будет, то будет» (328), «Авось, бог не оставит» (328).

Весьма интересна фразеология Василисы Егоровны, жены коменданта. В создании ее образа роль фразеологизмов особенно велика, как и в образе Пугачева и Савельича. Основная масса ее фразеологии — устойчивые бытовые выражения, которыми она пересыпает свою речь, она не украшает ими свой язык, а выражает свои мысли, иначе она не может, это готовые формулы для нее, они составляют структуру, костяк ее речи, их нельзя выделить: «...да слава богу, живем помаленьку» (297).

Не всегда даже можно определить, устойчивое это выражение или обычное сочетание, как, например, в данном предложении: «Живем помаленьку». «Ну, Максимыч, ступай себе с богом». (296). «...А ты сиди себе в девках вековечною невестою». «Чуть со страха на тот свет не отправилась». Есть в речи Василисы Егоровны фразеологизмы, связанные с ее религиозными представлениями, но она их использует в житейском плане, и они звучат по-бытовому, так как применяются весьма конкретно: «...да разве муж и жена не один дух и единая плоть?» (304). Это выражение произносилось при обряде церковного бракосочетания, но в устах Василисы Егоровны оно несколько перефразировано; или: «В животе и смерти бог волен» (323), «Отпустите душу на покаяние» (326).

В ее речи народных пословиц очень мало: «Стерпится — слюбится» (295), но иногда звучит шутливая прибаутка, отличающаяся грубоватым народным юмором: «Одна беда: Маша, девка на выданьи, а какое у ней приданое? Частый гребень, да веник, да алтын денег (прости бог!), с чем в баню сходить» (297). Эта поговорка типа прибаутки перекликается с подобной же в речи ямщика: «...Лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой» (288) [26].

В речи ее дочери Маши тоже имеются фразеологизмы, они раскрывают ее идеологию, они бытовые, но не народные: «Буди во всем воля господня» (311), «Богу угодно...» (342).

Черновые рукописи показывают, что Пушкин над фразеологией повести «Капитанская дочка» много трудился, проделал большую работу. Отмечается до 40 случаев различных изменений в этой области. Автор включает фразеологизмы и в повествовательную речь рассказчика, и в речь отдельных героев; наблюдаются случаи переделки фразеологизмов, изменения морфологической формы слов, входящих в устойчивые выражения, передвижки всего фразеологизма. Особенно много случаев изменения способов связи фразеологизмов с текстом повествования. Значительно реже наблюдаем исключение фразеологизмов и замену их.

Уже отмечалось, что речь Пугачева наиболее богата устойчивыми выражениями и, судя по черновым рукописям, язык ни одного героя не подвергался таким исправ-

лениям, как язык Пугачева. Особенно заметны эти переделки и исправления во фразеологии и, в частности, в области пословиц и поговорок. Ответ Пугачева на вопрос хозяина постоялого двора: «Отколе бог принес?» — в черновике звучал так: «В огороде летал, конопля клевал, швырнула бабушка камнем, да мимо пронесла» (864). В окончательной же редакции: «В огород летал, конопля клевал, швырнула бабушка камушком, — да мимо». Сопоставление показывает, что Пушкин предложенный падеж первого слова — «в огороде» — заменил винительным, а выражение: «швырнула бабушка...» сжал до предела, внес уменьшительную форму, сообщил внутреннюю рифму. Вся фраза стала более отточенной и энергичной. Иногда Пушкин усиливает высказывание Пугачева народной поговоркой. Так, в его словах: «Кто из моих людей смеет обижать сироту?» — закричал он. — Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдет» (348), имеется поговорка: «Будь он семи пядень...». В черновике она отсутствовала, и слова Пугачева звучали так: «Кто бы он ни был, виноватый от суда моего (не уйдет)» (892). В окончательном варианте вся речь Пугачева зазвучала более выразительно.

В одном случае Пушкин совершенно меняет фразеологизм: «Господа енералы! — провозгласил важно Пугачев. — Полно вам ссориться. Не беда, если бы и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладной; беда, если наши кобели меж собой перегрызутся» (350). В черновике выражение «Беда, если наши кобели между собою перегрызутся» отсутствовало, а было: «Если в нашей табуне кони станут между собой лягаться» (893). Новый фразеологизм своим образом более тесно связан с предыдущим («оренбургские собаки»), получилась большая цельность.

Есть и менее значительные изменения и исправления фразеологизмов, но и они имеют определенное значение. Усилия Пушкина направлены в значительной мере на то, чтобы пословицы и поговорки были способом выражения мысли у Пугачева, образным и вместе с тем наиболее лаконичным. Такая манера раскрытия психологии Пугачева (через пословицы и поговорки) позволяет писателю приблизиться к взгляду народа на вождя крестьянской революции, к народной точке зрения.

Работает Пушкин и над языком эпизодических лиц из стана Пугачева. Речь Хлопуши в окончательном варианте начинается так: «Прикажи слово молвить», — сказал Хлопуца...». Это устойчивое выражение, конечно, весьма близко к сказочному или вообще фольклорному, но оно стоит где-то на грани с бытовым. Пушкин пришел к нему только в результате кропотливой работы, соединенной с глубоким чувством народного языка. По черновым вариантам видно, что прежде было нечто другое: «...а ты поторопился, — сказал Хлопуша...», затем: «Вели слово молвить», — сказал Хлопуша» (892), и, наконец, окончательный вариант. Последний вариант, несмотря на явное сходство со сказочным приемом, реалистичен. В этом сказалась глубокая чуткость поэта к языку народа.

Как уже отмечалось, речь Савельича тоже изобилует поговорками и пословицами и другими фразеологизмами, и Пушкин работает над ними. Но здесь исправлений значительно меньше, чем в речи Пугачева, они менее значительны и по своему характеру чаще всего касаются введения или исключения союзов, связывающих пословицу с текстом, например: «Конь и о четырех ногах...», а в черновом варианте: «а конь и о четырех ногах...» (875), или: «Как у Христа за пазушкой», а было: «у Христа за пазухой...» (883). В речи других действующих лиц правка фразеологии идет тоже преимущественно по линии народных пословиц и поговорок. В речи Василисы Егоровны звучит пословица-прибаутка: «..девка на выданы, а какое у ней приданое? Частый гребень, да веник, да алтын денег...», в черновом варианте это присловье звучало несколько иначе: «...веник да частый гребень...» (869).

Несколько иной характер имеет работа над фразеологией Гринева. Как уже говорилось, в ней роль пословиц и поговорок мала, и они не подвергались правке, за исключением единственного случая в пропущенной главе: «Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка». Поговорка, включенная в это размышление Гринева (Буланина), в черновике дана была несколько иначе: «Коим своя шейка копейка, а чужая головушка полушка» (918). Окончательная фор-

ма этой поговорки стала более выразительна, более экспрессивна. Работа Пушкина сосредоточена над фразеологизмами типа разговорно-бытовых, принятыми в дворянской среде. Он их чаще включает, реже исключает, иногда переделывает. Гринев, беспокоясь о Марье Ивановне, спрашивает попадью: «Ради бога! Где Марья Ивановна?» В черновом варианте этот вопрос был без устойчивого выражения «Ради бога»: а) «Что Марья Ивановна», б) «Где Марья Ивановна» (880). Другой пример: Гринев узнал о назначении в Белогорскую крепость: «**Час от часу не легче!**» — подумал я про себя...»; фразеологизм «час от часу не легче» в черновике отсутствовал, а было выражение: «Вот тебе и служба» (865). Иногда меняется только морфологическая форма слов, входящих в фразеологизм: «Мы остались глаз на глаз», а было: «Мы остались с глазу на глаз» (882). Как уже говорилось, есть случаи, их очень мало, вычеркивания фразеологизмов: «Однако заячий тулуп явился»; в черновом варианте было: «Однако делать было нечего. Заячий тулуп явился» (865). Над фразеологизмами подобного типа и идет работа Пушкина в повествовании Гринева. Они придают повествованию разговорно-бытовой характер. Интересен один фразеологизм книжного характера, включенный Пушкиным в главу IV — «Поединок»: «На другой день, когда сидел я за элегией и **грыз перо** в ожидании рифмы...» (435). В наше время выражение «грызть перо» не воспринимается как устойчивое, а скорее как перифраза, между тем оно, видимо, было фразеологизмом: встречается оно у Марлинского в повести «Лейтенант Белозер» (1831 г.). «Забавно было видеть, как он **грыз перо** и разрывал листы за листами...». Есть оно и у Гоголя в «Мертвых душах». «Колоссальное предприятие больше ограничивалось одним обдумыванием, **изгрызалось перо**, являлись на бумаге рисунки». Пушкин употребляет его в «Истории села Горюхина»: «...в то самое время, как, сидя за моей тетрадью, **грыз перо...**» (132). Отмечает его в своем словаре и Михельсон. Вот это выражение и было включено Пушкиным в окончательный текст, в черновике его нет, как и мотива о сочинении элегии, вместо всего этого имелось слово: «Когда собирался идти обедать к коменданту» (872).

В речи Маши Мироновой нет народных погово-

рок и пословиц. Исправления идут по линии разговорно-бытовых фразеологизмов, но их мало, и исправления в них незначительны. «Ради бога, успокойтесь», а было: «Успокойтесь, ради бога, успокойтесь». Здесь вычеркнуто одно слово, но фразеологизм благодаря этому выдвинулся на первый план; в другом месте в черновом варианте: «...за вас бога молят» (887), в окончательном тексте: «за вас со слезами бога молят». Здесь в состав фразеологизма введено слово «со слезами», в результате чего фразеологизм несколько оживлен и более тесно слился со всем текстом письма.

По широте использования русских народных пословиц и поговорок повесть «Капитанская дочка» превосходит все предыдущие произведения Пушкина. Вместе с тем в повести наблюдается полное отсутствие иноязычной фразеологии, ничтожное количество литературных цитат, которые взяты из русских национальных произведений. Появляются фразеологические сочетания, по своему происхождению связанные с народной лирической песней. Основная работа Пушкина обнаруживается в области использования народных пословиц и поговорок. На пословице и поговорке строится речь представителей народа: Пугачева, Савельича и других. Фразеология представителей дворянства, даже самой низшей категории, уже иная, здесь главным образом устойчивые выражения просторечно-бытового характера.

Пушкин много работает в области народных поговорок и пословиц. В его руках, несомненно, был сборник пословиц XVIII в. «Собрание 4291 древних российских пословиц. Печатано при Императорском Московском Университете 1770 года». Вероятно, использован и сборник «Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенные по азбучному порядку». С-Петербург, 1822. Большое количество пословиц и поговорок, включенных в повесть «Капитанская дочка», имеется в этих сборниках. Названные сборники были в личной библиотеке Пушкина.

Пословица и поговорка в повести «Капитанская дочка» под пером Пушкина становятся очень тонким средством для раскрытия образа мыслей персонажа, при этом они не теряют своей народности. Пословица или поговорка никогда не является побочным украшением,

средством создать колорит, как это часто наблюдается у прозаиков, современников писателя, и у самого Пушкина в романе «Арап Петра Великого», а стоит в центре всего высказывания героя, часто творчески перерабатывается. Пословицы и поговорки приспособляются к конкретной обстановке повествования, наполняются определенным содержанием, звучат очень реалистически. Они необычайно экономно раскрывают внутренний мир героя, индивидуализируют его речь, а вместе с тем обнаруживают авторское отношение к персонажу. В синтаксическом отношении они являются часто основой предложения.

VII

Подводя итоги наблюдений над употреблением Пушкиным устойчивых выражений в художественной прозе, отмечаем, что писатель использует следующие разновидности фразеологии: наиболее широко он применяет фразеологические сочетания, несколько реже единства и еще реже—сращения, русские народные поговорки и пословицы находят большое место в языке его прозы, относительно редко можно найти книжно-библейские выражения, литературные цитаты и реминисценции употребляются им в ранних произведениях, иноязычная фразеология тоже встречается в более ранней прозе.

Очень редко встречаются фразеологизмы типа: **цвет жизни, нить жизни, весна дней** и т. п., то есть такие, которые широко введены были в русский литературный язык Карамзиным и его школой. Устойчивые выражения или реминисценции, связанные с античным миром, в прозе употребляются всего дважды. Особенно широко используются Пушкиным фразеологические сочетания, которые имеются во всех произведениях, законченных и незаконченных. Они преимущественно двух типов: разговорно-бытовые и книжные. В незаконченных произведениях 1828—1830 гг. встречаются бытовые с налетом фольклоризма в интеллигентской огласовке, в «Повестях Белкина» этот тип фразеологизмов представлен более широко и разнообразно по сравнению с предыдущим этапом, заметна группа разговорно-бытовых с налетом просторечной грубоватости, появляются канцеляризм и элементы карточного аргю. В повести «Дубровский»

фразеологические сочетания и единства звучат с большим оттенком народности, здесь же имеют место устойчивые выражения из юридического быта. В повести «Пиковая дама» фразеологические сочетания часто имеют просторечный характер с налетом грубоватости. Кроме того, есть картежная фразеология. Широка и разнообразна, достигнутые в области фразеологических сочетаний, удерживаются в повести «Дубровский» и «Пиковая дама» и даже несколько расширяются в «Дубровском» в сторону народных и отчасти профессиональных. В незаконченных произведениях 1834—1835 гг. отмеченные типы фразеологии (сочетания, единства) удерживаются на достигнутом уровне, в рассказе «Кирджали» они приобретают несколько афористический характер, что придает оттенок восточного колорита рассказу. Есть сочетания, окрашенные фольклоризмом. В отдельных произведениях этого периода («Марья Шонинг») устойчивые сочетания стоят на грани свободных.

В повести «Капитанская дочка» фразеологическиеращения, единства и сочетания приобретают явно народный характер, здесь представлены и книжные фразеологизмы, но и они носят народно-национальный характер. В «Капитанской дочке» вся фразеология описываемого типа оттесняется русскими народными поговорками и пословицами, которые и создают фразеологический фон. Новым по сравнению с предыдущими этапами является наличие фразеологических сочетаний из области народной лирической песни и, изредка, устойчивых профессионально-военных выражений. Синтаксически рассматриваемый тип фразеологизмов в произведениях Пушкина всегда тесно слит с языковой тканью произведения, они не бросаются в глаза, не выделяются. В романе «Арап Петра Великого» они чаще выступают в роли обстоятельства, несколько реже в виде сказуемого, еще реже в качестве дополнения, изредка фразеологизм занимает место целого предложения. В «Повестях Белкина» фразеологические сочетания иногда образуют структуру предложения или существенную часть его, реже выступают в качестве второстепенных членов, появляются они обычно в наиболее ответственные моменты повествования.

Фразеологические сочетания и единства в «Капитанской дочке» органически включаются в состав предло-

жения, если входят в сложноподчиненное предложение, что наблюдается часто, то именно в ту часть, на которой лежит основная смысловая нагрузка.

Русские пословицы и поговорки в художественной прозе представлены широко, но не во всех произведениях, не в одинаковой мере и не с единственными стилистическими функциями. Этот вид русской фразеологии глубоко интересовал Пушкина, и, надо отметить, не только его одного, а очень многих писателей того времени. С 20-х годов XIX в. русские поговорки, пословицы интенсивно вносятся в наш литературный язык, целый ряд писателей включает их в круг своего внимания. Это нельзя не связать с развитием жанра русского исторического романа. В. В. Виноградов отмечает: «В 20-х и в начале 30-х годов XIX века — в связи с оживлением интереса к проблемам национальной русской культуры и русского национального литературного языка... у нас складывается новый вид исторической повести и исторического романа с гораздо большей ориентацией на воспроизводимую историческую действительность, ее быт, ее стиль и ее язык» [27].

В демократизации нашего литературного языка и в формировании его на основе глубокой народности пословицы и поговорки сыграли большую роль. Они в довольно значительном количестве имеются в первом прозаическом произведении «Арап Петра Великого». Совершенно отсутствуют в незаконченных произведениях 1828—1830 гг., в «Повестях Белкина» пословицы и поговорки присутствуют, но не в большом объеме и не во всех повестях, нет их в «Выстреле», отсутствуют они и в «Истории села Горюхина», написанной одновременно с «Повестями Белкина», не дают их незаконченные произведения 1831 г., в том числе и «Рославлев». В повести «Дубровский» пословицы и поговорки довольно заметны, особенно в речи представителей народа и провинциальных помещиков. Совершенно отсутствуют в повести «Пиковая дама» и незаконченных произведениях 1834—1835 гг. Полного расцвета они достигают в «Капитанской дочке».

Поговорки и пословицы в первом прозаическом произведении Пушкина «Арап Петра Великого» несут своеобразную функцию: прежде всего способствуют воссозданию старого русского быта, они и звучат главным об-

разом в устах старшего поколения. Каких-либо исторических пословиц типа «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», употребленной в трагедии «Борис Годунов», в этом произведении нет. Кроме того, пословицы и поговорки в романе «Арап Петра Великого» способствуют в некоторых случаях показу внутренней напряженной борьбы, происходящей в обществе [28].

В «Повестях Белкина» поговорки и пословицы представлены количественно незначительно, функция их здесь по сравнению с романом «Арап Петра Великого» иная: они вводятся не с целью создать бытовой русский колорит, Пушкин при помощи их раскрывает психологию персонажа («Станционный смотритель») или очень экономно производит смену повествовательных ситуаций («Метель»). Судя по черновым вариантам, автор работает над ними, видно стремление включить поговорку, пословицу в текст, придать ей наиболее народную форму.

В повести «Дубровский» отмечается уже большое количество пословиц и поговорок, они прочно вошли в языковую ткань произведения, их функции расширились. Пушкин при их помощи иногда показывает авторское отношение к тому или иному явлению.

В повести «Капитанская дочка» народная пословица и поговорка становится основным видом фразеологии, много способствующим своеобразию стиля произведения. Этот малый жанр народного искусства под пером Пушкина становится очень гибким и тонким средством для раскрытия психологии персонажа, не теряя при этом своей народности. Пословица или поговорка никогда не является побочным украшением или средством создать колорит, а стоит в центре высказывания и часто творчески перерабатывается. Пословицы и поговорки приспособляются к конкретным моментам повествования, наполняются определенным содержанием, звучат очень реалистически. Они необычайно экономно раскрывают внутренний мир героя, индивидуализируют его речь и вместе с тем обнаруживают авторское отношение к персонажу. Черновые варианты указывают на большую работу Пушкина над пословицами и поговорками. В этой повести Пушкин показал, что он овладел народной пословицей и поговоркой как языковым материалом.

Группа фразеологизмов, связанная своим происхождением с книжно-библейскими источниками, в прозе

Пушкина незначительна, некоторую роль она еще играет в романе «Арап Петра Великого», но уже в «Повестях Белкина» количество этих фразеологизмов заметно уменьшается, с них снимается культовая окраска. В дальнейшем фразеологизмы этого типа в прозе Пушкина иногда вновь появляются, но в специальной стилистической функции: дать речевую характеристику служителям культа. Но при этом они принимают явную просторечную окраску. Что касается литературных цитат и реминисценций, то они появляются в отрывках и набросках 1828—1830 гг., но уже в «Повестях Белкина» Пушкин явно проявляет стремление шире использовать русские источники: имеются литературные цитаты и реминисценции еще в рассказе «Рославлев» и неоконченных произведениях этого времени, но в «Пиковой даме» они исчезают, в «Капитанской дочке» фигурируют только в виде эпитафий и взяты из народных источников и русской литературы.

Довольно заметное место в языке пушкинской прозы занимает иноязычная фразеология, преимущественно на французском языке. Иноязычная фразеология в первом прозаическом произведении «Арап Петра Великого» дает представление о том смещении языков, которое было характерно для XVIII в., в отрывках и набросках 1828—1830 гг. особенно заметна ее роль. В этих произведениях Пушкин изображает светское общество его времени, и включение французских устойчивых выражений вполне понятно. Судя по черновикам, над иноязычной фразеологией в этот период Пушкин настойчиво работает, она имеется и в «Повестях Белкина», где ее меньше, чем в произведениях 1828—1830 гг., но черновики обнаруживают значительную авторскую работу над ней. В повести «Дубровский» иноязычной фразеологии почти нет, и, просматривая черновики, можно сделать вывод, что она заменяется русской. Совершенно отсутствует она в «Пиковой даме». В незаконченных произведениях 1834—1835 гг. она отмечается, но есть тенденция заменять ее русской. В повести «Капитанская дочка» эта фразеология совершенно отсутствует.

Таким образом, следует сказать, что в язык художественной прозы Пушкина широко включена фразеология различных типов. Если нет каких-либо значительных изменений количественного порядка в области фра-

зеологических сочетаний, единств и сращений, то следуют изменения качественного порядка: фразеологические сочетания приобретают все более и более разговорно-просторечный, народный характер. Явно видна тенденция включить в литературный язык народные пословицы и поговорки и творчески обработать, но не искажая их народного характера. Иноязычная фразеология имеет тенденцию к уменьшению. В последних произведениях ее нет. Такова же судьба литературных цитат и реминисценций, с той только разницей, что вначале отмечается стремление шире использовать русские источники, а затем этот вид фразеологии исключается. В произведениях Пушкина усиливается та фразеология, которая имеет народный, национальный характер.

VIII

Для уяснения вопроса о месте фразеологии и ее эволюции в языке художественной прозы Пушкина следует сделать хотя бы некоторые сопоставления с фразеологией языка его поэзии.

В поэзии Пушкина можно встретить различные виды фразеологии: устойчивые выражения типа сочетаний, единств, русские пословицы и поговорки, цитаты, иноязычные выражения и другие. Наиболее распространены фразеологические сочетания религиозно-бытового характера, где оттенок религиозности совершенно выветрился, они встречаются в лирике на протяжении всего его творчества, особенно с начала двадцатых годов. Впервые употребил Пушкин такое выражение в послании «К Н. Г. Ломоносову» (1814):

Дай бог, чтоб грозной непогоды
Вблизи ты ужас не видал...

Выступают подобные фразеологизмы и в произведениях, носящих характер дружеских посланий: «К Н. Г. Ломоносову», «Давыдову»:

Ты не в чухотке, слава богу...

или в шутовых произведениях «Раззевавшись от обедни...», «Недавно бедный музульман...» (1821).

Имеет прихоти то эти, (то) другие,
И, боже упаси, какие!

В дальнейшем эти устойчивые выражения входят в ли-

рические произведения, носящие серьезный, глубоко интимный характер:

Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

(1829).

Подобные фразеологические сочетания довольно часто встречаются и в пушкинской прозе.

Есть в поэзии и другая группа устойчивых выражений разговорно-бытового характера:

Махни, мой друг, рукой и смело подпиши.
(Второе послание цензору, 1824).

А между тем совет на память им оставить.

(Там же).

Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплегусь...

Довольно широко распространено в поэзии Пушкина устойчивое выражение «нет мочи». Оно встречается в целом ряде стихотворений, не исключая чисто лирических.

Говорить с тобой нет мочи...

(Раззевавшись от обедни...).

И, мочи нет, сказать желаю
Мой ангел, как я Вас люблю!

(Признание, 1826).

«Эй! Пошел, ямщик!...» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело...»

(Бесы, 1830).

«Дрожь берет; в руках нет мочи,
Порох в полку не попал».

(Воевода, 1833).

Есть это выражение в романе «Евгений Онегин»:

«Жаль, развезжать нет мочи мне...»

(Гл. VII, строфа XVI).

Все эти устойчивые выражения есть и в языке прозы, особенно два последних, но фразеологические сочетания, названные религиозно-бытовыми, в языке поэзии имеют больший удельный вес, чем в языке прозы.

Что касается пословиц и поговорок, то они встречаются в поэзии очень редко. Впервые можно видеть одну из них в послании «Князю А. М. Горчакову» (1814).

Что прибыли соваться в воду,
Сначала не спросившись броду...

Но пословица в духе XVIII — начала XIX в. переложена в стихи, оставлено только ее содержание, народный характер ее утрачен.

В послании «В. Л. Давыдову» 1821 г. есть поговорка:

Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России...

В юмористическое стихотворение «На картинке к «Евгению Онегину» в «Невском Альманахе» 1829 г. включена первая часть пословицы в своем подлинном виде:

Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой.

Есть они в балладе «Жених» 1825 г.

Наташу хвалит, разговор
С отцом ее заводит:
«У вас товар, у нас купец...»

В балладе 1833 г. «Гусар» — поговорка — «Иль у тебя двойная шкура». Подобная поговорка имеется в «Песне о Георгии Черном» 1834 г.

«Где тебе с султаном тягаться,
Воевать с белградским пашою!
Аль о двух головах ты родился».

Пословицы и поговорки преимущественно встречаются, начиная с 1825 г., до этого года они единичны и включаются преимущественно в дружеские послания или шуточные произведения. После 1825 г. они входят в поэтические произведения с народной тематикой. Можно отметить и наличие книжно-библейской фразеологии.

В стихотворении 1822 г. «Недавно я в часы свободы» имеется устойчивое выражение данного типа:

Я думал: ветреный певец,
Не сотвори себе кумира...

В послании Алексееву 1821 г.:

И говорю: так было прежде
Во время оно и со мной.

Поскольку здесь эти выражения даются от лица автора, то в них, конечно, нет и тени религиозной настроен-

ности, в прозе — другое дело, там они часто даются от лица героя, и этот элемент есть, если требуется для характеристики персонажа.

Иногда Пушкин вводит в лирическое произведение цитату из какого-либо общеизвестного произведения. Так, в стихотворении 1833 г. «В поле чистом серебрится» вставлены слова из народной песни:

Пой: «Лучинушка, лучина,
Что же не светло горить?»

Иногда дается не цитата, в полном смысле этого слова, а известное выражение вставляется в несколько перделанном виде. Так в «Послании цензору» (1822):

Но делать нечего; так если невозможно
Тебе скорей домой убраться осторожно,
И службою своей ты нужен для царя,
Хоть умного себе возьми секретаря.

Последний стих несомненно намекает на басню Крылова «Оракул».

Я слышал — правда ль? — будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь [29].

Наконец, в стихах Пушкина можно найти и иноязычные устойчивые выражения. В стихотворении 1829 г. «Жил на свете рыцарь бедный» включены латинские слова:

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave Mater dei кровью
Написал он на щите.

Но следует сказать, что иноязычные элементы относительно редки в поэтическом языке, за исключением романа «Евгений Онегин».

В литературе о языке Пушкина можно встретить утверждение, что в языке его поэзии широко употребляются устойчивые словосочетания, принятые в поэзии конца XVIII и начала XIX в., они носили характер перифраз: в цвете дней (лет), нить жизни (дней), цвет жизни, колесо фортуны, весна дней, утро дней, дни весны, заря жизни, след жизни [31]. Необходимо это положение уточнить. Подобные словосочетания встречаются главным образом в ранних произведениях. В более

поздние годы они в творчестве Пушкина изменяются, теряют свой привычный поэтический образ, утрачивают свою экспрессивную окраску.

В неволе скучной увядает
Едва развитый жизни цвет,
Украдкой младость отлетает,
И след ее — печали след.

(Наслаждение, 1816).

Но уже в «Евгении Онегине» это словосочетание звучит иначе, оно наполнено легкой иронией:

Он пел поблеклой жизни цвет
Без малого в осмнадцать лет.

(Гл. II, строфа X.)

То же самое можно наблюдать и относительно словосочетания «жизни нить».

Нет! Мне, видно, не придется
С богом сим в размолвке жить,
И покамест жизни нить
Старой Паркой там прядется,
Пусть владеет мною он!

(Опытность, 1814 г.).

В «Путешествии Онегина» встречается это же устойчивое сочетание, но оно приобрело новое содержание, ассоциируется с другими явлениями, бытовыми, конкретными и звучит реалистически, никакой связи с мифологическими образами не чувствуется.

Уже пустыни сторож вечный,
Стесненный холмами вокруг,
Стоит Бешту остроконечный
И зеленеющий Машук,
Машук, податель струй целебных;
Вокруг ручьев его волшебных
Больных теснится бледный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто Киприды;
Страдалец мыслит жизни нить
В волнах чудесных укрепить...

Заканчивая беглый обзор фразеологии в поэзии Пушкина, следует сказать, что удельный вес ее меньший, чем в языке художественной прозы. Фразеология в поэзии претерпевает известную эволюцию: уменьшается книжно-поэтическая, увеличивается разговорно-бытовая, но первая часто не просто исчезает, а меняет свое содержа-

ние, характер ее становится более конкретный, бытовой, но и разговорно-бытовая тоже меняется в сторону большей выразительности и гибкости. Что касается связи фразеологии поэтического языка и языка прозы, то здесь наибольшую близость можно установить только по линии фразеологических сочетаний разговорно-бытового характера, значительно меньшая связь по линии книжной. Движение фразеологии в сторону народно-национальной в языке поэзии менее ясно, чем это было отмечено для языка прозы.

IX

Вопрос использования национальной русской фразеологии в русском литературном языке решался не только Пушкиным, но и целым рядом писателей, и крупных и второстепенных. В силу этого следует осветить отношение к этой проблеме хотя бы некоторых писателей конца XVIII и первой трети XIX в. Это позволяет сделать некоторые сопоставления и поможет оценить тот вклад и его своеобразие, который Пушкин внес в развитие русского литературного языка.

В 1792 году, то есть почти за тридцать пять лет до первого прозаического произведения Пушкина «Арап Петра Великого», Карамзин выпустил историческую повесть «Наталья, боярская дочь».

Язык прозы Карамзина имел большое влияние на последующее развитие русского литературного языка и, в частности, на прозаический язык Пушкина.

Фразеология повести Карамзина «Наталья, боярская дочь» весьма тщательно исследована проф. А. И. Ефимовым [31]. Основная масса фразеологии в повести Карамзина — фразеологические сочетания. Это наблюдается и у Пушкина в его романе «Арап Петра Великого».

Но в то время как у Карамзина среди этого типа устойчивых выражений очень много поэтической или стихотворческой фразеологии книжного происхождения, у Пушкина ее ничтожно мало. Конечно, и здесь можно найти известные точки соприкосновения. Например, у Карамзина: «...в повести «Наталья, боярская дочь» автор говорит о **предмете нежных побуждений сердца**» [32], — у Пушкина: «Графиня, привыкшая к уважению света, не могла хладнокровно видеть себя **предметом сплетней**

и **насмешек**» (6); или — у Карамзина: «**цветы любви** родительской», — у Пушкина: «Графиня Д., уже не в **первом цвете лет** славилась еще своею красотою» (4). Можно умножить примеры соприкосновений фразеологии Пушкина и Карамзина, но, как было отмечено, подобных выражений в романе Пушкина мало, они преимущественно сосредоточены в главах, рисующих жизнь Ибрагима в Париже. Карамзин создавал подобные фразеологизмы, часто передвигая их из поэтических стилей в прозаические, — Пушкин брал готовые, уже принятые в прозе конца XVIII и начала XIX в. Кроме того, у Пушкина они — неотъемлемая часть предложения, являются членами предложения, а у Карамзина весьма часто включаются в текст на правах риторического украшения.

Для стиля повести «Наталья, боярская дочь», как отмечает профессор Ефимов, характерно привлечение афористических выражений и других фразеологических единиц, извлеченных из общеевропейской речевой культуры и весьма распространенных в кругах русского культурного дворянства. Эту особенность стиля Карамзина Пушкин отмечает с налетом легкой иронии в повести «Барышня-крестьянка»: «...на третьем уроке Акулина разбирала уже по складам «Наталью, боярскую дочь», прерывая чтение замечаниями, от которых Алексей истинно был в изумлении, и круглый лист измарала афоризмами, выбранными из той же повести» (121).

Данный вид фразеологизмов совершенно не представлен у Пушкина. Единственное выражение подобного типа можно увидеть только в фразе: «Проказы герцога Ришелье, Алкивиада новейших Афин, принадлежат истории и дают понятие о нравах сего времени» (4), но оно не облечено в форму афоризма.

У Пушкина в романе «Арап Петра Великого» есть иноязычная фразеология (французская), но она совершенно иного характера, разговорно-бытового, преследует цель показать речевые особенности части русского молодого поколения.

Можно отметить у Карамзина и Пушкина наличие книжно-библейских выражений. У Карамзина они очень немногочисленны и лишены подчеркнутой культовой окраски. У Пушкина подобное выражение: «Останьтесь

во Франции, за которую вы уже проливали кровь» (8) связано с библией только происхождением. К 20 г. XIX столетия оно приобрело совершенно бытовой характер. Пушкин дважды употребляет в определенных стилиевых целях книжно-библейские выражения с культовым налетом.

Что касается фразеологии, по терминологии проф. Ефимова, фольклорно-исторической, то пословичный материал у Карамзина в этой повести, как и вообще в его прозе, представлен весьма скромно, кроме того, у него снижается его народность. Например, в повести «Наталья, боярская дочь» встречаемся с пословицей: «Без милого пастушка целый свет для вас пустыня», но вряд ли ее можно считать народной, налет книжности на ней несомненен, тогда как Пушкин, употребляя пословицы, сохраняет их народность, а смысл и значение их часто углубляет.

Незначительна в повести Карамзина и роль разговорно-бытовых фразеологизмов, тогда как у Пушкина они составляют основу его фразеологии. Что касается встречающихся в повести Карамзина сказочных формул и других стабильных оборотов, то они под его пером в какой-то мере нивелируются и становятся искусственно-книжными. В романе Пушкина их просто нет, как и архаичных летописных извлечений, которыми пестрит повесть Карамзина.

С конца двадцатых годов в русской литературе начал быстро развиваться жанр исторического романа. В конце 1829 г. вышел роман Загоскина «Юрий Милославский», почти одновременно с ним «Дмитрий Самозванец» Булгарина, в 1831 г. появился роман Загоскина «Рославлев», в 1831—1833 гг. частями выходил роман Лажечникова «Последний Новик», в 1833 г. романы Вельтмана «Кашей Бессмертный» и Полевого «Клятва при гробе господнем». В те же годы начали выходить романы Масальского, Зотова и других писателей, имена которых известны только литературоведам, работающим над проблемой русского исторического романа.

Несколько ранее, в 1823 г., с исторической повестью «Роман и Ольга» выступил Марлинский.

Так как непременным элементом стиля исторического романа являлась фразеология, и это стало традицией, то естественно провести некоторые параллели в этой

области между Пушкиным и наиболее крупными писателями, представителями исторического жанра.

Сравнение следует начать с повести Марлинского «Роман и Ольга». Сам автор называет ее «Старинная повесть». Марлинский в примечании к ней говорит: «Языком старался я приблизиться к простому, настоящему русскому рассказу и могу поручиться, что слова, которые многим покажутся странными, не вымышлены, а взяты мною из старинных летописей, песен и сказок» [33]. Но фразеология в этой повести относительно редка.

Фразеологических сочетаний немного, и носят они характер условно народный: «Роман Ясенский, хорош и пригож, служил верой и правдой Новгороду, потерпел много за Русь святую...» (377), или «собираются стар и мал» (380). Это, конечно, не те разговорно-бытовые устойчивые выражения, которые так характерны для романа «Арап Петра Великого».

Есть в речи героев у Марлинского и книжные фразеологизмы, вернее, архаически-летописные: «Пущу огонь и меч» (382), «На начинающего бог». В языке Пушкина подобных не найдем. Интересно отметить: Марлинский, как и Пушкин, использует пословицы, но они у него звучат не только не по-народному, но часто и не по-русски. Роман, герой повести, произносит речь на вече: «Вспомните, граждане, старинную пословицу: **пустой мех стоять не может**» (383). Едва ли эта пословица может быть названа русской. Или в той же речи: «Витовт, роскошный на обеты и угрозы, **любит греться у чужого пожара...**» (383).

Переделка пословицы нарушает ее подлинную народность. Марлинский употребляет пословицу не в ее первоначальном значении, а часто переделывает: «**В сказке — басня, а в песне — быль**» (379). Против таких переделок Пушкин всегда восставал. Встречаются пословицы у Марлинского и без переделок: «**Вольному воля!**» — повторил раза два Симеон» (378), но она употреблена неполностью, второй ее части нет. Есть у Марлинского и случай сказочной формулы, но несколько переделанной: «**Быстро текут слова повести: не скоро делается дело**» (388). Подобных явлений у Пушкина нет.

Фразеология в этой повести Марлинского не народна. Вполне вероятно, это проистекает из некоторых

взглядов писателя. В. Нечаева в своей статье «Белинский и проблема русского исторического романа» делает замечание, с которым нельзя не согласиться. «Но самое значительное расхождение Марлинского и Белинского заключалось в различии взглядов на русский исторический процесс. Марлинскому была совершенно чужда идея его своеобразия, и он изо всех сил стремился доказать, что на Руси было все то же, что было и на Западе, и поэтому-то наш исторический роман может быть ничем не хуже западноевропейского, но в некоторых отношениях даже и лучше» [34].

В 1831 г. вышел в свет роман Загоскина «Рославлев», на который Пушкин как бы ответил в том же году своей повестью «Рославлев». Загоскин вводит в свой роман фразеологию, но ограниченно. Она мало заметна и не играет большой роли. Преобладают устойчивые выражения типа фразеологических сочетаний: «что правда, то правда». Они имеют характер разговорно-бытовых, иногда с налетом некоторой грубости; есть выражения идиоматического характера: «...нет охоты сидеть повесив нос».

Изредка встречаются профессиональные (военные) устойчивые выражения: «пятьдесят тысяч под ружьем». Очень редко используются русские пословицы, они даются без изменений, в народном духе. Особого стилистического назначения не несут, весьма примитивно включаются в текст, не создают колорита, не дают речевой характеристики, какой-либо системы в употреблении пословиц нет. Вот один из примеров употребления пословицы: «Так вспомнишь поневоле русскую пословицу: **«худой мир лучше доброй брани»**. Пословица у Загоскина нечто вроде украшения, органически не связанного с текстом.

Степень и способы использования фразеологии отличаются Пушкина и от Лажечникова. В романе «Ледяной дом» встречаем некоторое количество фразеологических сочетаний и фразеологических единств. Они, как и у Пушкина, просты и носят народный характер, но не играют той роли, какую имеют у автора «Капитанской дочки». Например: «Да вот и Зуда, **легок на помине!**» или: «А! Дорогой гость, **добро пожаловать!**» — сказал Волынский». Они почти всегда следуют за уже выраженной мыслью, являясь дополнением ее, украшением,

тогда как у Пушкина фразеологизм — способ выражения мысли.

Особенно это заметно при употреблении пословиц. «Не барин, а отец родной! — говорили служители об Артемии Петровиче. — Мы живем за ним, как у Христа за пазушкой» (48).

Мысль здесь и без пословицы понятна, так что в выявлении ее пословица особой роли не играет. Она явно служит для украшения. В речи автора пословицы употребляются по такому же принципу: «Живописно красуется он со своими палатами, важно поглядывающими свысока, и толпой мазанок, постепенно пробивающихся в знать; со своими полуголландскими, полурусскими домиками, над которыми строители истощали независимые безотчетные затеи, как бы хотели им сказать: **«всякий молодец на свой образец»**. Мысль уже ясна без пословицы, пословица не выражает ее, а только должна, по мысли Лажечникова, украсить.

Поговорки и пословицы в романе употребляются главным образом выходцами из социальных низов и Волынским, представителем русской партии.

В других исторических романах Лажечникова, например в «Последнем Новике», пословиц и поговорок в народном духе еще меньше, меньше и фразеологических сочетаний. Часто встречаются поговорки искусственные, которые выдаются за народные: «**Полно орехи щелкать, рассказывай дело**», — сказала сердито Ильза» (29).

Довольно заметны фразеологизмы книжно-библейского характера, но с явно выраженной моралью: «**Господь не даст тебе долгого века**» (28). У Лажечникова намечается известное движение в сторону народности в области фразеологии, но он неумело пользуется ею.

Сравнение романа «Арап Петра Великого» Пушкина со стороны фразеологии с историческими произведениями других авторов показывает:

1. Пушкин больше, чем другие писатели, использует фразеологию.

2. Эта фразеология подлинно народная.

3. Отдельные элементы народной фразеологии писатель углубляет в народном же духе.

4. В употреблении фразеологии у Пушкина есть система, он употребляет ее не случайно, а с определенной стилистической нагрузкой.

Теперь следует посмотреть, как использовалась фразеология в жанре бытовой повести 20—30 гг. XIX в. и в соответствующих произведениях Пушкина.

В отношении употребления фразеологии художественная проза 20—30 гг. XIX в. может быть разбита на две группы. Писатели-прозаики Павлов, Одоевский, Погорельский, Вельтман относительно редко включают фразеологизмы в язык своих повестей; писатели Погодин, Загоскин, Полевой, Даль, Сомов значительно превосходят их в этом отношении. Ко второй же группе следует отнести и Марлинского, хотя он отличается своеобразием в употреблении фразеологии. В повестях Павлова «Аукцион» и «Именины» (1835) можно встретить по два, по три устойчивых выражения в языке представителей образованного общества того времени: «но волею неволею надобно было решиться» (Именины, 434, 435), или «на медные деньги учили меня грамоте» (Именины, 431).

Несколько больше устойчивых выражений у Вельмана в повести «Неистовый Роланд» (1834). В речи автора встречается выражение: «По случаю именин почтенной своей супруги он устроил пир на весь мир» (525). В речи героев из провинции встречаются пословицы: «Что город, то норы, что деревня, то обычай». Иногда обыгрывается иноязычный фразеологизм: «...в Париже-с бывает завтрак на вилках» (527). Это буквальное перевод французского выражения, что имеется и у Пушкина, но не в прозе, а в романе «Евгений Онегин».

Люблю я дружеские враки
И дружеский бокал вина
Порою той, что названа
Пора меж волка и собаки,
А почему, не вижу я.

(Гл. IV, строфа XLVII)

У Анатолия Погорельского просторечные фразеологизмы встречаются довольно часто. Одна из повестей писателя «Лафертовская маковница» (1825) получила высокую оценку Пушкина. В письме к своему брату от 27 III, 1825 г. он пишет: «Душа моя, что за прелесть — бабушкин кот! Я перечел два раза и одним духом всю повесть, теперь только и брежу Трифоном Фа-

лелеичем Мурлыкиным». Пословиц народных в ней нет, а встречаются устойчивые выражения типа фразеологических сочетаний или единств: «Мой старик спятил с ума» (65), «сделай милость», «не мешайся в чужие дела» (63), «тетушка приказала долго жить» (70).

В. Ф. Одоевский в своих повестях не в одинаковой мере употребляет фразеологию. В повести «Катя, или история воспитанницы» (1834), «Черная перчатка» (1835) встречается небольшое количество фразеологизмов, пословиц совершенно нет, фразеологизмы имеют просторечный характер, но они, несомненно, бытовали и в языке дворянского общества: «Я оставался в дураках...» (196), «проводить целый день с глазу на глаз» (212); есть фразеологизмы книжного характера: «Вы читаете только то, что написано черным по белому» (220), заметны фразеологизмы служебные: «мало-помалу» (214), «друг с другом» (205). Иная картина в повести «Живописец» (1839). Эта повесть написана несколько позже, и сюжет ее взят не из жизни верхов общества, как в двух первых, а из жизни городских низов. Фразеологизмы пестрят в речи рассказчицы, простой женщины. Пословицы не встречаются, но устойчивыми выражениями, поговорками типа фразеологических единств, речь ее пересыпана: «...да с горя и богу душу отдал. А сынок-то остался гол, как сокол, а себе и ухом не ведет...» (251), «...нечего греха таить...» (255). Местами есть известная перенасыщенность фразеологией. Фразеологизмов иного типа в этой повести, кроме отмеченных, почти нет.

В области фразеологии названных писателей сближает то, что она у них дана сравнительно скромно и связана в основном с языком выходцев из провинции или городских низов. Писатели не используют народные пословицы. Иногда, правда, они встречаются у Вельтмана, но в единичных случаях и, главным образом, те, что бытовали, встречались в разговорном языке дворянства или уже были известны в литературном языке предшественников, например в языке Карамзина. «Что город, то норов, что деревня, то обычай» («Письма русского путешественника»). У писателей этой группы встречаются устойчивые выражения преимущественно типа фразеологических единств. Синтаксически они выступают в качестве обстоятельств, реже в виде сказуемо-

го, еще реже в виде определения: «...он устроил пир на весь мир». Особого внимания фразеологии не уделяется, она входит в разговорный язык персонажей, где она уже заняла свое место. Функция фразеологии— речевая характеристика персонажа. Нового по сравнению со своими предшественниками (Карамзиным, Фонвизиным) в использовании фразеологии писатели этой группы не внесли.

Иное место занимает она в языке Полевого, Погодина, Загоскина и Даля. Прежде всего у них удельный вес фразеологизмов в языке значительно больший, писатели работают над включением их в язык своих произведений. Н. А. Полевой в повести «Рассказы русского солдата», опубликованной в 1834 г., широко использует фразеологию. Имеется она и в речи солдата, повествующего о своей жизни, и в речи автора. Больше всего фразеологизмов просторечных, которые приближаются к типу фразеологических единств или сочетаний: «...руки сама на себя наложу» (24), «...вот тебе бог порукой...» (27). «Да, держи карман» (40), «...Побежали, давай бог ноги...» (46). Среди них встречаются сочетания с профессиональным оттенком: «Пуля-дура...» (50), «...бороду брить, милостыни не просить» (53). Много пословиц и поговорок, среди них основная масса народных: «...и невольно заставляют вспомнить пословицу: «воля не холя, а добра коня портит» (6), «...а когда староста высылал меня лишний раз на дорогу либо чаще других наряжал в подводу — я молчал, потому что плечь обуха не перестегает, навязалось на меня совсем другое горе» (21). Есть пословицы и поговорки солдатские: «Какая у солдата жена, кроме ружья» (34). Встречается приспособление обычной поговорки к военной обстановке: «Как прошел, откуда взялся неприятель? У страха глаза велики, да спасибо, русский солдат страха-то в глаза не выдывал. Только первую дурь надобно было нам стряхнуть» (5).

В произведениях М. П. Погодина, рассказывающих о жизни простого народа, тоже наблюдается обилие устойчивых выражений. У него особенно много народных поговорок и пословиц. Они есть и в речи автора и его героев. Автор, употребляя их, часто подчеркивает, что это не его способ выражения, а народный. Например: «Вы знаете, друзья мои, старинную любимую мою при-

вычку шататься в народе... и прислушиваться к речам их и поговоркам... Когда, выражусь их пословицею, у них что на уме, то и на языке» (Нищий, 265). Или: «...и проходил мимо, как будто оправдывая пословицу: сытый голодного не разумеет» (265). Его герой в повести «Нищий» (1826), употребляя пословицы, иногда обращает внимание на это обстоятельство: «Я решился идти в Москву и питаться милостыней. «На святой Руси с голоду не умирают», — говорит пословица. Нелегко мне было, однако ж, привыкать и к новому ремеслу» (271). Погодин употребляет пословицы, поговорки и другие фразеологизмы часто как сравнения или характеристики. «Алексаша была девка кровь с молоком» (267). «Батюшка любил меня я был у него как порох в глазе» (207).

В подаче пословицы или поговорки нет нужной остроты, они часто звучат как некое дополнение, в текст включаются примитивно. В повести чувствуется перенасыщенность поговорками и пословицами. Видимо, это проистекает из особых представлений Погодина о народе. Подобный особый взгляд на народ сатирически изобразил Салтыков-Щедрин в сказке «Коняга»: «Понял он, что уши выше лба не растут, что плетью обуха не перешибешь, и живет себе смиренхонько, весь опутанный пословицами, словно у Христа за пазушкой».

Очень заметна фразеология в повести М. Н. Загоскина «Три жениха» (1835), ее в этом произведении значительно больше, чем в его же романе «Рославлев». Имеются устойчивые выражения типа фразеологических сочетаний или единств: «дождь ливня льет» (453), «а тут — делать нечего — стою», «...дай бог ему здоровья» (455). Но больше всего пословиц и поговорок: «В самом деле, Анна Степановна, — прибавил Холмин, мигнув украдкой Слукиной, — ведь, снявши голову, о волосах не плачут» (508). «И, батюшка, где нам! Ведь я человек глупый, что на уме, то и на языке» (562). «Ведь эта голь хитра на выдумки; на обухе рожь молотит и с камня лыки дерет» (498).

Пословицы и поговорки встречаются главным образом в языке помещиков-провинциалов. Некоторым своеобразием в использовании пословиц и поговорок является то, что иногда одна пословица или поговорка углубляется другой (см. два последних примера).

Иноязычные фразеологизмы играют заметную роль, их употребляют представители высшего общества, а изредка и сам автор: «...называл сам себя обществом людей «высшего полета», — не умею лучше перевести французского выражения de la haute volée» (486). Есть литургатурные цитаты.

Заслуживает большого внимания использование фразеологизмов В. И. Далем. Интерес Даля к русским пословицам и поговоркам общеизвестен, но не только данный вид фразеологии известен в произведениях Даля. В одной из его повестей «Бедовик» (1839) встречается широкое использование фразеологических сочетаний просторечного характера и в речи автора, и в речи действующих лиц: «...мелочь ездила к начальникам с почтением да на поклон, чтобы на глаза показаться» (516); «...не знал, как отвечать в лад и в меру...» (520); «...чужо́му человеку в Москве нет и ходу».

Такой тип фразеологизмов очень тонко включается в ткань произведения. Это достигается тем, что они чаще всего выступают в качестве сказуемого или обстоятельства. Весьма значительную роль играют народные пословицы: «**Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше.** Это была любимая поговорка Горюнова» (532). «Человек? Э, он не пропадет! **Язык до Киева доведет...**» (548). Пословицы приводятся главным образом в речи людей из низших слоев, но они есть и в речи автора. В некоторых случаях о пословице только упоминается: «...а русская пословица **старого поминать не велит**» (557). Иногда она обыгрывается: «...Известно, человек ищет, где глубже... тово, рыба ищет, глубже, а человек, где лучше» (532). Бывает, что пословица повторяется несколько раз, — только что приведенная, например, повторяется трижды. Сливаются пословицы с текстом очень явно, вводятся преимущественно для раскрашивания и расцветивания речи.

Встречаются в повести Даля и фразеологизмы книжные, но довольно редко: «...и пить **горькую чашу** весь свой век...» (551). «Евсей почувствовал, что он как-то не в своей тарелке» (539). Имеются фразеологизмы служебного характера, их мало: «...пара за парюю гонятся **взад и вперед, вдоль и поперек** по всем улицам, переулкам» (519).

Писатели этой группы весьма широко употребляют

пословицы и поговорки, связывая их преимущественно с речью простого народа или представителей провинциального общества, в том числе и дворянского. Пословица в их произведениях, несомненно, служит средством речевой характеристики. Этот вид фразеологии представлен не только в языке героев, но и в авторской речи. Главное внимание уделяется русским пословицам и поговоркам. Наверно, в них видели способ национализации, создания народности в языке, что, конечно, определялось взглядами писателей на народ. Часто произведения перенасыщены пословицами и поговорками. Кроме того, был некоторый отбор их в сторону показа смирения народа в духе христианской морали. Включение в текст пословиц и поговорок проводилось довольно примитивно, нередко замечается некоторое приспособление пословицы-поговорки к данной ситуации. Пословица не служит средством выражения мысли, а часто является украшением речи, ее расцвечиванием, иногда употребляется для сравнения. Нужной гибкости пословица и поговорка под пером автора не получает. Иные виды фразеологии (фразеологические сочетания) встречаются реже. Иноязычная фразеология тоже наблюдается не часто.

Несколько особняком стоит писатель-прозаик О. М. Сомов (1793—1839). В начале 30-х гг. О. М. Сомов явно испытывает влияние Пушкина. После выхода в свет «Повестей Белкина» в творчестве Сомова отмечается поворот в сторону реализма, стремление к простоте и естественности повествования. В этом отношении интересна его повесть «Роман в двух письмах» (1832). Фразеология этой повести очень разнообразна. Автор писем широко прибегает к иноязычной фразеологии, исключительно французской. Это молодой светский человек, и для его речи французские устойчивые выражения характерны: «Здоровы ли наши *plantes exotiques*, как ты называешь этих милых провинциалочек...» (499). «Да и красота ее, мне кажется, *est une chose sujette à caution*» (502) (вещь, подлежащая сомнению). Есть и народные пословицы, но их мало: «...из самолюбия, в силу которого я оправдываю, применяя к себе русскую пословицу: **«что написано пером, того не вырубишь топором»** (502). Встречаются они в языке автора писем и в речах помещиков-провинциалов.

Довольно заметны устойчивые выражения типа фразеологических сочетаний с налетом некоторого просторечия в речах помещика-провинциала и без этого налета — в языке автора писем. Есть фразеологизмы книжного характера: «...**Унижением**, которое казалось ей **паче гордости**» (503). Довольно много цитации из писателей, главным образом, из Пушкина: «Пусть она, думал я, мила и резва явилась передо мною в роще,

Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты;

но то было в роще, а не в гостиной» (508).

Разнообразием фразеологии Сомов отличается от своих современников-писателей, приближаясь к Пушкину.

О фразеологии Марлинского уже говорилось при рассмотрении исторической повести «Роман и Ольга», но следует коснуться и некоторых бытовых повестей его, написанных в 20—30-е гг. Фразеологизмов в них мало, их употребление зависит от сюжета и времени создания произведения. В более поздних произведениях фразеологизмы носят несколько иной характер по сравнению с ранее написанными. Очень заметны фразеологизмы книжные, часто надуманные самим писателем. Этот тип и создает колорит: «Таков человек, милостивые государи, такова вся природа: **«Жаворонок с неба летит на землю за червячком»** (Лейтенант Белозер, 341). «Я рад гибнуть там, куда призывает меня долг **чести и человечества**». Весьма часто используется и народная поговорка или пословица, но так, что теряет свой народный характер: **«Уж этот месяц светит, а не греет — даром у бога хлеб ест»** (Л. Б., 336). Или: «То ли дело шторм? Уму, и рукам, и горлу раздолье: **вся природа пляшет тогда по дудке твоей!**» (Л. Б., 331). Иной раз русская поговорка употребляется для каламбура: «...я происхожу по прямой линии от славного Монтаня (Гора). В таком случае мы оправдали на себе басню, в которой **гора породила мышь**» (Л. Б., 369).

Необходимо отметить, что у Марлинского русские поговорки и пословицы иногда переделываются и от этого звучат не по-русски, например: «Однако и рыцари были не промахи» (Замок Эйзен). По-русски слово «не промах» не может быть во множественном числе. Или: «Ведь в чужих руках синица лучше фазана» (Замок Эйзен). Такое явление происходит не случайно, а выте-

кает из взглядов Марлинского на язык: «Да не у одних французов, я занимаю у всех европейцев обороты, формы речи, поговорки, присловия. Да, я хочу обновить, разнообразить русский язык и для того беру мое золото обеими руками из горы и из грязи, отовсюду, где встречу, где поймаю его, что за ложная мысль еще гнездится во многих, будто есть на свете галлицизмы, чертизмы? Не было и нет их. Слово и ум есть братское достояние всех людей...» (Письмо к Н. А. и М. А. Бестужевым, I. XII. 1836 г.) [36].

Подобные взгляды на язык позволили Марлинскому и самому создавать различные фразеологизмы и перерабатывать народные поговорки и пословицы, а не только использовать и применять те, что получили распространение в речевой практике. Это, конечно, противоречит взглядам Пушкина, который, главным образом, разрабатывал народные источники фразеологии.

Часто у Марлинского русскому характеру поговорки или пословицы противоречит нерусское окружение. «Муж не бобер, — сказала одна баронесса своей соседке, — просесть меху придает цену» (Замок Эйзен). Не даром Пушкин в одном из писем говорил Марлинскому (май—июнь 1825 г.): «Брось этих немцев и обратись к нам православным...». Даже в таких произведениях, как «Мореход Никитин», он русскую поговорку топил в излишних рассуждениях, отчего она теряет народный характер: «Од-на-ко, — произнес старик и почесал в затылке, потому что затылок есть чердак человеческого разума, в который сваливают весь хлам предрассудков, всю ветошь нравоучений, колодки давно стоптанных мнений и верований, битые фляжки из-под воображения...» (400). Русское устойчивое выражение «почесал в затылке» потонуло в дальнейших рассуждениях.

Такой способ употребления русских поговорок и пословиц приводит к отходу от действительности и содействует романтическому методу писателя и манере «изображать бурные страсти и раздирательные положения неистово фразистым языком», — как говорил Чернышевский (т. III, 27).

Русские поговорки и пословицы у Марлинского не выражают мысли, а выступают как средство украсить язык, они или являются исходным моментом для его дальнейших рассуждений, а чаще бывают итогом раз-

мышлений, замечаний писателя или его героя. Иногда они включаются в виде вводного предложения, порой при их помощи делается какое-либо попутное замечание. Встречаются у Марлинского профессиональные фразеологизмы: «Мы вас **обстрижем под одну ворсу**», — говорит суконный фабрикант в повести «Лейтенант Белозер», или: «...я не могу равнодушно глядеть на бутылку с ромом». «И я тоже, любезнейший, и я тоже: у меня сердце **бьет рынду**, когда я завижу ее» (330). Так разговаривают моряки в повести «Лейтенант Белозер». При помощи подобных профессиональных фразеологизмов Марлинский пытается раскрыть образ, но вместо этого создается впечатление искусственности, тем более что у писателя нет чувства меры в употреблении фразеологии. Не чуждается Марлинский и иноязычных фразеологизмов (видимо, даже любит их). Иногда он употребляет их не вполне уместно, не в разговорах героев, а в собственной авторской речи, даже в таком произведении с русской народной тематикой, как «Мореход Никитин»: «*Le cas était pendable*» — это висельный случай, как говорят французы, и Савелью наверно бы досталось проплясать джиг под концом реи...» (414). Иностранные фразеологизмы у него имеются на французском, английском и других языках.

Проводя некоторые наблюдения над фразеологией русской бытовой повести 20—30 гг., следует сказать, что в отношении фразеологии Пушкин был ближе к первой группе писателей, то есть к писателям Павлову, Одоевскому, Погорельскому, Вельтману, чем ко второй — Погодину, Загоскину, Полевому и Далю. Заметно, что писатели — современники Пушкина не овладели фразеологией: она у них или предмет рассуждения, или итог их мысли, не является органической частью языковых средств, выражающей мысль, а только дополняющей или украшающей ее. Включение фразеологизмов, связь их с текстом Пушкин проводит тонко, незаметно, в то время как у писателей-современников это делается довольно примитивно. Конечно, надо оговориться, что и у некоторых писателей в отдельных случаях можно найти тонкие способы включения фразеологизмов в текст, но это именно отдельные случаи, в то время как у Пушкина это система.

Вместе с тем Пушкин всегда сохраняет смысл

народного фразеологизма, в то время как многие из писателей, особенно Марлинский, искажают его смысл, заставляя его звучать иногда не только не в народном духе, а вообще не по-русски.

Фразеология Пушкина значительно разнообразнее, чем у перечисленных авторов: он употребляет пословицы, поговорки, устойчивые выражения типа фразеологических сочетаний самого разнообразного характера, среди которых начинают играть ведущую роль те, которые имеют оттенок народности. Имеются у него устойчивые выражения и иноязычного характера на различных языках, заметны цитаты литературного и религиозно-бытового характера, преимущественно из русской литературы. Таким образом, первое, что мы отмечаем у Пушкина, — это разнообразие фразеологии с известным креном в область устойчивых выражений типа фразеологических сочетаний. Соблюдено известное соотношение разных типов фразеологизмов, нет перегрузки ими, что наблюдается у Полевого, Погодина, Даля, Загоскина. Фразеологизмы Пушкина несут большую семантическую нагрузку, они употребляются преимущественно в наиболее ответственных местах. Особо тонко пословица начинает служить в качестве средства выражения мысли в повести «Станционный смотритель». Пословица или поговорка может показать отношение героя к явлению и вместе с тем раскрыть его психологию. Фразеологизм у Пушкина часто включается в наиболее важную часть предложения, он может создать его структуру. Обыкновенно он выражает сказуемое, а чаще даже не только сказуемое, но и какой-либо член предложения, относящийся к сказуемому, отчего все предложение приобретает особую выразительность.

Уже в повести «Дубровский», а затем в «Капитанской дочке» особой тонкости достиг Пушкин в употреблении русских народных пословиц и поговорок. При помощи их он очень экономно раскрывает внутренний мир героя, индивидуализирует речь персонажей, обнаруживает свое авторское отношение к действующему лицу, вместе с тем всегда сохраняет подлинный народный смысл каждой поговорки и пословицы. В этом отношении Пушкин поставил себя вне сравнения с писателями современниками.

Пушкин, интенсивно вводя в язык художественной

прозы фразеологию, показал, что запасы ее лежат в народном языке. Своим творчеством он обнаружил огромнейшие возможности ее и наметил способы использования. По его пути пошли крупнейшие писатели XIX в.: Гоголь, Островский, Тургенев, Лесков, Салтыков-Щедрин. Каждый из этих художников внес свой вклад в дело использования народной фразеологии, но для них всех исходным пунктом были методы работы Пушкина.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. I. М., Изд. АН СССР, 1953, стр. 57.

2. А. Н. Ефимов. Фразеологический состав повести Карамзина «Наталья, боярская дочь». Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I. Изд. АН СССР, 1949, стр. 92.

3. Федор Глинка. Письма русского офицера. Сб. Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. Составил В. Орлов. М., 1951, стр. 310.

4. В. И. Даль. Воспоминания о Пушкине. Пушкин в воспоминаниях современников. ГИХЛ, 1950, стр. 455.

5. А. С. Пушкин. Письма, т. III, 1831—1833 под редакцией и с примечаниями Л. Б. Модзалевского. М.—Л., «Academia», 1935.

6. Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I. М., Изд. АН СССР, 1949.

7. Акад. В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. «Академик А. А. Шахматов 1864—1920», сб. статей и материалов под ред. акад. С. П. Обнорского, вып. 3. М.—Л., АН СССР, 1947.

В. В. Виноградов. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ 1819—1944—1946 гг.»

8. Вся цитация из произведений А. С. Пушкина дается по шестнадцатитомному изданию полного собрания сочинений АН СССР, т. 8 (в скобках указывается страница).

9. Русское народное поэтическое творчество. АН СССР, 1953. В. П. Адрианова-Перетц. Народное поэтическое творчество времен крестьянских и городских восстаний XVII в. Русского государства, стр. 434.

10. Песни, собранные П. В. Киреевским, изданы Обществом любителей российской словесности. Выпуск I. М., 1860. Приложения, стр. IV.

11. Моя родная земля, прощай...

12. Н. Филиппова в статье «Закончен ли пушкинский «Рославлев»?», опубликованной в ж. «Русская литература» № 1 за 1962 г., высказывает мысль, что произведение «Рославлев» «...имеет внутреннюю законченность — и в обрисовке характеров, и в развитии сюжета» (стр. 59).

13. Подобный фразеологизм есть у Марлинского: «Покинув мягкие перины и пушистые одеяла, собираются около самовара, этого, можно сказать, идола сибиряков» (Отрывок о Сибири).

14. В комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» встречается подоб-

ное выражение: «Простак ова. На него, мой батюшка, находят такой, по-здешнему сказать, столбняк».

15. В. В. Виноградов. Стиль «Пиковой дамы». Временник Пушкинской комиссии № 2. М. Изд. АН СССР, 1936, стр. 78.

16. Черновые тексты рассказа «Кирджиали» не сохранились, имеются только планы его.

17. Сравните: «Он с прибылью и в шляпе дело» (Крылов «Огородник и философ»), «После выстрела я попрошу у Вас извинения: и дело в шляпе». (Марлинский «Фрегат Надежда»).

18. Сравните: «Monsieur прогнали со двора», гл. I, строфа III.

19. Это выражение отмечается М. И. Михельсоном в его словаре «Русская мысль и речь», 1912 и С. Максимовым в работе «Крылатые слова», М., 1955.

20. Издание «Academia», стр. 67.

21. Пушкин в воспоминаниях современников. ГИХЛ, 1950, стр. 437.

22. Там же, стр. 382.

23. Остафьевский архив, т. III. Спб., 1899—1913, стр. 268.

24. См. П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896.

25. М. И. Михельсон в своей работе «Русская мысль и речь», С-Петербург, 1912, не отмечает этого фразеологизма.

26. Подобные прибаутки известны в народном творчестве: «Сани чужие, хомут не свой, погоняй — не стой!» А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. I. «Academia», 1936, стр. 15.

27. В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., ГИХЛ, 1959, стр. 522.

28. Б. Л. Богородский. О языке и стиле романа А. С. Пушкина «Арап Петра Великого». «Ученые записки Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена», т. 122. Л., 1956.

29. И. А. Крылов. Сочинения, т. II. М., ГИХЛ, 1955, стр. 16.

30. М. Т. Таггиев. Из наблюдений над языком поэзии А. С. Пушкина. «Ученые записки Азербайджанского Гос. пединститута имени Ахундова». Баку, 1957.

31. А. И. Ефимов. Фразеологический состав повести Карамзина «Наталья, боярская дочь». Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I. Изд. АН СССР, 1949, стр. 69—94.

32. Там же, стр. 74.

33. Сб. «Декабристы», составил В. Орлов. М.—Л., ГИЗ, 1951, стр. 391. В дальнейшем все цитаты из повести Марлинского даются по названному изданию.

34. Сб. Белинский историк и теоретик литературы. Изд. АН СССР, 1949, стр. 185.

35. Русские повести XIX века 20—30-х гг. М.—Л., ГИЗ, 1950. Вся цитация из произведений перечисленных выше писателей дается по указанному изданию.

36. Русские писатели о языке (XVIII—XX вв.). Л., Советский писатель, 1959, стр. 147.

Министерство просвещения РСФСР
САРАТОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

Исследования
по лексике и фразеологии
русского языка
и методике их изучения

Ученые записки
Том 43

ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1965